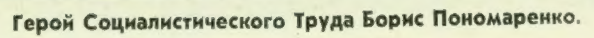

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 27 ИЮЛЬ 1975



Герой Социалистического Труда Борис Пономаренко.



Вот она, хлебная степь Кубани...

КУБАНЬ

На зерновом току Б. В. Шамкий, бригадир 3-й бригады колхоза имени В. И. Ленина.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 27 (2504)

5 ИЮЛЯ 1975

Фотография сделана с вертолета, ведомого Героем Социалистического Труда пилотом-инструктором И. К. Коцуром.

СЧИТАЕТ ДНИ

См. стр. 7.

Алексей Федюшин — передовик страды, комбайнер.



Цветы за доблестный труд — механизатору Федору Стрельцу.





НА БЛАГО МИРА

25 июня в Большом Кремлевском дворце в присутствии Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и короля бельгийцев Бодуэна, а также премьер-министра Бельгии Л. Тиндеманса и первого заместителя Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазурова министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Бельгии Р. Ван Элсланд подписали следующие советско-бельгийские документы:

Совместную советско-бельгийскую декларацию;

Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды;

Протокол об обмене ратификационными грамотами консульской конвенции.

Затем были подписаны: Дополнительный протокол к соглашению о воздушном сообщении, Соглашение о сотрудничестве в области туризма. Их подписали соответственно заместитель министра гражданской авиации С. С. Павлов, начальник Главинтуриста С. С. Никитин и посол Бельгии в СССР А. Фортом.

«Обе стороны,—говорится, в частности, в подписанной декларации,— выражают убеждение в том, что успех Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, претворение в жизнь его решений всеми участниками будут способствовать утверждению отношений прочного мира, добрососедства и плодотворного сотрудничества европейских стран».

На снимке: подписание советско-бельгийских документов.

Фото А. Гостева

ВИЗИТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ТРИНИДАДА И ТОБАГО

По приглашению Советского правительства 30 июня в Москву с официальным визитом прибыл Премьер-Министр Тринидада и Тобаго Эрик Юстас Вильямс.

На аэродроме, украшенном государственными флагами Тринидада и Тобаго и Советского Союза, высокого гостя встречали Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, заместители Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, В. А. Кириллин, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов и другие официальные лица.

В Кремле состоялись переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Тринидада и Тобаго Э. Ю. Вильямсом.

На снимке: переговоры в Кремле.

Фото А. Гостева





В Будапеште 26 июня закончилась XXIX сессия Совета Экономической Взаимопомощи. На заключительном заседании главы делегаций НРБ, ВНР, ГДР, Кубы, МНР, ПНР, СРР, СССР, ЧССР, а также СФРЮ подписали протокол сессии.

На снимке: делегация Советского Союза во время подписания протокола.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Будана

Наш взгляд

МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ

Николай **НОВИКОВ**

Уверенно и динамично развивается экономика стран социалистического содружества. За последние годы сделан новый крупный шаг на пути увеличения экономического потенциала мировой социалистической системы и укрепления ее позиций. Наиболее ярко эти успехи проявились в росте национального дохода. В целом он возрос в 1974 году по сравнению с 1973 годом на 6,4 процента, валовая продукция промышленности — примерно на 8,5 процента, так что страны СЭВ ныне дают одну треть ее общемирового выпуска. По совокупному объему промышленного производства эти страны впереди и США и Западной Европы.

Жизнь со всей очевидностью подтверждает правильность линии коммунистических и рабочих партий стран СЭВ на развертывание процесса углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции — материальной основы всестороннего сближения братских государств. Этому была посвящена состоявшаяся на днях в Будапеште XXIX сессия Совета Экономической Взаимопомощи. Она проходила на уровне глав правительств, советскую делегацию возглавлял член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Нынешняя сессия еще раз подтвердила, что коллективные решения братских стран по вопросам дальнейшего развития их сотрудничества проникнуты глубокой заботой об общих интересах всего содружества. Его процветание и укрепление в целом означают одновременно процветание и укрепление каждой входящей в него страны. Экономика стран — членов СЭВ достигла такого уровня, когда эффективное развитие ее зависит от степени углубления связей с другими национальными хозяйствами.

Целям дальнейшего процветания экономики отвечает согласованный план многосторонних интеграционных мероприятий на 1976—1980 годы по совместному строительству промышленных объектов и развитию многосторонней специализации и кооперирования производства, принятый XXIX сессией СЭВ в Будапеште. Это — новое явление в сотрудничестве братских стран, начало большой, исключительно важной работы. Сделан новый шаг к объединению усилий и ресурсов этих стран для решения таких базовых проблем, как развитие энергетики, черной и цветной металлургии, машиностроения, а также обеспечение всех стран СЭВ продовольствием и другой сельскохозяйственной продукцией. План, разработанный коллективными усилиями на основе Комплексной программы, охватывает наиболее крупные многосторонние интеграционные мероприятия по строительству объектов и созданию дополнительных производственных мощностей совместными усилиями заинтересованных стран общей сметной стоимостью примерно 9 миллиардов переводных рублей. Речь идет о магистральном газопроводе Оренбург — Западная граница СССР, о целлюлозе Сибири, асбесте Урала, никеле и кобальте Кубы, об атомных реакторах чехословацкого производства и т. д.

Особое внимание при этом уделено проблемам обеспечения топливно-энергетическими ресурсами. Известно, что даже самые сильные государства капиталистического мира оказываются не в состоянии преодолеть серьезные трудности, вызванные энергетическим кризисом. Что же касается стран СЭВ, то они в основном решают проблему обеспечения народного хозяйства важнейшими видами энергетических и сырьевых ресурсов в предстоящем пятилетии.

В последнее время получило дальнейшее развитие научно-техническое сотрудничество братских стран: разрабатывается 270 проблем и самостоятельных тем. В результате реализации Комплексной программы только в 1974 году заключено 15 многосторонних соглашений по сотрудничеству в области науки и техники, а общее число таких соглашений превысило 70.

Совет Экономической Взаимопомощи совершенно справедливо называют могучим ускорителем прогресса стран социализма. Страны социализма превосходят высокоразвитые капиталистические государства по темпам роста, по эффективности использования имеющихся материальных ресурсов, а главное — по своей способности поставить все общественные богатства на службу человеку труда.

В своей речи 8 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул: «Мощная сила социалистической солидарности сделала содружество государств, объединенных Варшавским Договором и Советом Экономической Взаимопомощи, одним из самых могучих организмов в международной жизни. Его политика стала решающим фактором защиты интересов мира и независимости народов».

Будапештская сессия Совета Экономической Взаимопомощи ярко показала дальнейшее укрепление единства и могущества братских стран социализма.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

За заслуги в развитии братской дружбы и всестороннего сотрудничества между Польской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик Указом Президиума Верховного Совета СССР член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Государственного совета Польской Народной Республики Генрик Яблоньский награжден орденом Дружбы народов.

30 июня в Кремле член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил Генрику Яблоньскому высокую награду Советского государства.

Г. Яблоньского сердечно поздравил секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев.

Фото ТАСС



БЕСЕДА С СЕНА

30 июня в Верховном Совете СССР состоялась беседа депутатов Верховного Совета СССР с членами делегации сената США, которую возглавляют сенаторы Губерт Г. Хэмфри и Хью Скотт. Встречу открыл Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. П. Рубен.

Выступая на встрече, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР М. А. Суслов выразил мнение, что нынешний визит американских сенаторов можно рассматривать как одно из закономерных следствий общего оздоровления атмосферы в советско-американских отношениях, в которых за последние годы произошли важные позитивные изменения. «Сейчас,— подчеркнул товарищ М. А. Суслов,— мир всту-

ШАГИ ДРУЖБЫ



Седьмого июля исполняется пятая годовщина Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Социалистической Республикой Румынией.

Этот кадр сделан на Брашовском заводе грузовых автомобилей. Двадцатитрехлетний рабочий Думитру Бобойце успешно освоил станки советского производства. Его учитель, Герой Социалистического Труда мастер Ман Дионисие тридцать четыре года жизни отдал этому крупнейшему заводу страны, награжденному орденом «Звезда Социалистической Республики Румынии». Он помнит то время, когда после освобождения страны в августе 1944 года здесь, на месте ремонтных мастерских, рождалось новое предприятие. Сначала тут делали вагоны-цистерны для нефтяной промышленности, а в 1954 году на основе советской лицензии был создан первый отечественный грузовик «Красное знамя».

— Теперь наш завод выпускает в год тридцать шесть тысяч грузовиков от трех до семи тонн,— рассказывает экономист Александру Орос,— наша продукция идет в двадцать четыре страны мира. Согласно договору, мы поставляем в Советский Союз грузовики и самосвалы. Особенно тесная дружба у нашего завода с автомобилестроителями из Ярославля. Наше сотрудничество крепнет из года в год.

Фото Ю. КРИВОНОСОВА



ЗА СТРОКОЙ ДОГОВОРА

6 июля исполняется 14 лет со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Корейской Народно-Демократической Республикой. Этот документ — свидетельство дружбы и сотрудничества между нашими странами. За минувшие годы в КНДР вступило в строй более 50 промышленных объектов, в сооружении которых было непосредственно занято свыше 1 600 советских специалистов. В настоящее время здесь сооружаются и реконструируются при участии СССР еще 28 объектов — так воплощаются в жизнь строки договора.

Корейская Народно-Демократическая Республика успешно идет по пути социалистического строительства. Продукция предприятий КНДР известна во всех странах мира. Сегодня более 80 государств — торговые партнеры республики, и около половины внешнеторговых операций страны с социалистическими странами приходится на Советский Союз. На отечественных предприятиях создаются тракторы, грузовые автомобили, электровозы, морские суда, металлорежущие станки, техника для сельского хозяйства.

Подтверждением дружбы и симпатии к народу КНДР является проходящий с 25 июня в Советском Союзе месячник солидарности с борьбой корейского народа за вывод иностранных войск из Южной Кореи и объединение страны на мирной демократической основе. Советские люди выражают горячее стремление к упрочению дружеских связей с трудящимися КНДР, искренние симпатии к корейскому народу.

Ю. СТРОЕВ

Богат урожай овощей в тепличном хозяйстве предместья Пхеньяна. Фото ЦТАК — ТАСС

ТРАДИЦИОННАЯ

В Москве с 28 по 29 июня проходила очередная, XV сессия постоянного бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки. В традиционной встрече принимали участие видные писатели, представляющие литературы двух континентов. Встреча открылась вступительным словом председателя Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки Камиля Яшена.

Выступивший на сессии генеральный секретарь ассоциации Юсеф эс-Сибаи отметил большое значение V конференции писателей, которая проходила в сентябре 1973 года в Алма-Ате, и подчеркнул, что писательское движение стран Азии и Африки находится на новом этапе, все больше расширяя сферу своего влияния на работу писателей двух континентов.

ДЕЛЕГАЦИЕЙ

ТА США

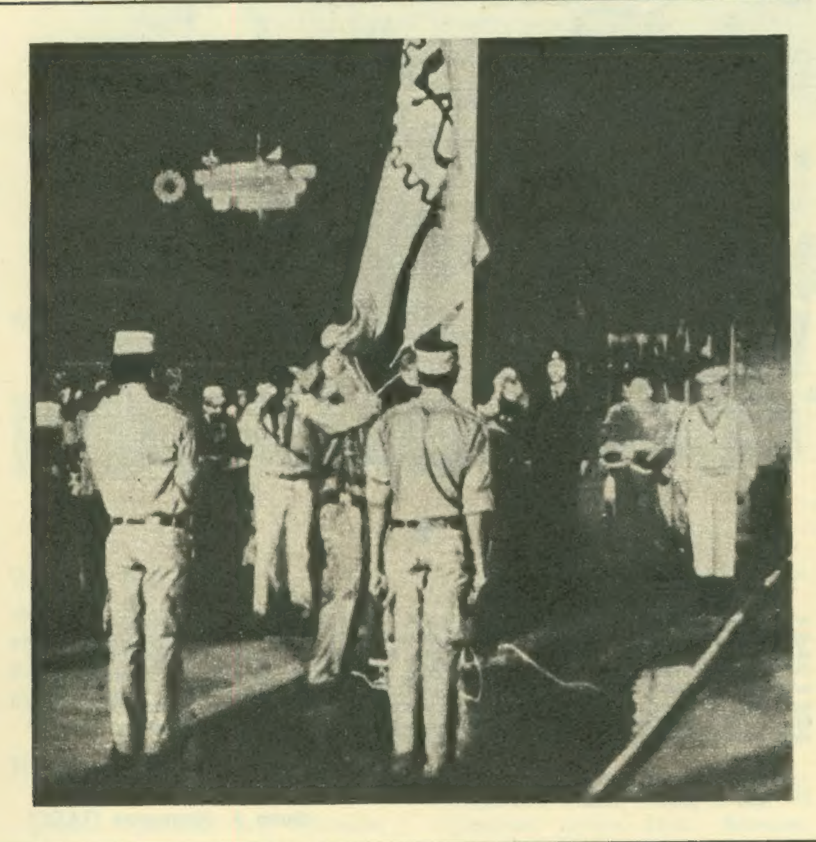
пает в ответственный период, когда на первый план выдвигается задача воплотить принципы мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества в повседневные практические дела... Разрядка может и должна получить дальнейшее углубление».

В беседе участвовали: председатель Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР Б. Н. Пономарев, Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР А. П. Шитиков, депутаты Верховного Совета СССР.

На снимке: во время беседы. Выступает Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. П. Рубен.

Фото В. Савостьянова (ТАСС)





ЗНАМЯ СВОБОДЫ НАД МОЗАМБИКОМ

25 июня десятки тысяч людей собрались на стадионе Машава в мозамбикской столице Лоренсу-Маркиш, чтобы приветствовать провозглашение независимости своей страны. Ровно в полночь под барабанную дробь с флагштока спускается флаг Португалии и под ликующие возгласы и аплодисменты собравшихся в ночное небо поднимается стяг суверенного Мозамбика.

Президент Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) Самора Машел провозгласил независимость страны и объявил о преобразовании ее в Народную Республику Мозамбик. Выступая на торжественной церемонии, он подчеркнул, что победа народа Мозамбика в борьбе за свободу стала возможной благодаря таким международным факторам, как разгром фашизма в годы второй мировой войны, образование могучего социалистического содружества, успехи сил национального освобождения.

На торжественной церемонии присутствовали многочисленные иностранные гости, в том числе советская государственная делегация во главе с заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Ф. Ильяшенко.

В этот же день вступила в силу конституция нового, независимого Мозамбика. В соответствии с ней Самора Машел стал первым президентом страны. По случаю Дня независимости в столице состоялись военный парад вооруженных сил Мозамбика и многотысячная народная манифестация.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный направил телеграмму президенту Фронта освобождения Мозамбика и Народной Республики Мозамбик Саморе Машелу с сердечными поздравлениями и добрыми пожеланиями успехов в построении новой жизни в условиях свободы, независимости, прогресса и национального возрождения.

В результате переговоров между представителями правительства Союза Советских Социалистических Республик и Исполнительного комитета Фронта освобождения Мозамбика в Лоренсу-Маркише было подписано коммюнике об установлении дипломатических отношений и обмене дипломатическими представительствами между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Мозамбик.

В. ДУНАЕВ

Церемония поднятия флага независимости. Фото ТАСС

ВСТРЕЧА

Сессия обсудила план подготовки конференции афро-азиатских писателей, которая планируется в Кении в 1977 году. В Ташкенте осенью этого года состоится встреча молодых писателей стран Азии и Африки.

Сессия также рассмотрела работу журнала «Лотос» и наметила меры по его дальнейшему улучшению. Объявлены лауреаты международной премии «Лотос» за 1975 год: нигерийский писатель Чинуа Ачебе, пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз, иракский писатель Мухаммед Махди эль-Джавахири и южнокорейский поэт Ким Чжи Ха.

На снимке: заседание сессии постоянного бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки.





По всей стране проходят митинги в защиту социальных завоеваний, против происков реакции.
Фото АП — ТАСС

на темы дня

РЕШИМОСТЬ НАРОДА ИНДИИ

Республика Индия переживает сейчас один из наиболее драматических периодов своего существования. Обозреватели сравнивают современный накал политических страстей с тем, который существовал в стране во второй половине сороковых годов. Тогда вопрос стоял о независимости Индии. Сейчас речь идет о судьбах прогрессивных преобразований: пойдет ли Индия дальше по этому пути или реакционным силам удастся ее остановить.

Борьба правых сил против социальных реформ началась не сегодня. В течение всего девятилетнего периода существования правительства Индиры Ганди буквально каждое его мероприятие в этом направлении встречалось ими в штыки. Реакционеры пытались сорвать национализацию банков и страховых компаний. Они мешали проведению мер по ограничению безработицы и обузданию дельцов «черного рынка».

Однако теперь становится все более очевидным, что замыслы реакции не ограничивались лишь саботажнической деятельностью. Фактически готовился мятеж против правительства Индии. Сигналом к нему должно было послужить решение местного судьи из города Аллахабада, рассматривавшего вопрос о технических нарушениях, якобы допущенных Индирой Ганди во время парламентских выборов 1971 года в избирательном округе, где она баллотировалась.

Еще пять лет назад реакционные круги выдвинули лозунг: «Индира Хатао!» — «Устранить Индиру!». Теперь они решили, что пришел час добиться его осуществления. Один из лидеров правых, Джайпракаш Нарайан, выступил с призывом к вооруженным силам и государственным служащим не подчиняться приказам правительства. В различных штатах были организованы провокационные вылазки реакционных экстремистов. «Вот каков был генеральный план этого заговора,— пишет индийский журнал «Блитц»,— прежде всего не мытьем, так катаньем устранить Индиру Ганди и вместо нее назначить временно исполняющим обязанности премьер-министра такого человека, который бы устраивал правых, и затем спровоцировать национальный кризис. Поскольку в таком правительстве верховодила бы партия «Джана Сангх» вместе с «Раштрия Сваямсевак Сангх» (РСС) и тому подобные ударные силы реакции, политической мафии было бы легко прибрать к рукам все рычаги власти».

Известный политический деятель К. Д. Малавия, характеризуя действия реакционеров, указывал, что они «пытались создать в стране ситуацию, подобную чилийской». Индийская печать приходит сейчас к выводу, что к замыслам мятежа приложила руку и международная реакция, в частности Центральное разведывательное управление США.

«Я уверена, — заявила Индира Ганди, выступая по радио с обращением к народу,— что все вы знаете о существовании глубокого и широко распространившегося заговора, который зрел с тех пор, как я начала осуществлять определенные прогрессивные меры в интересах простых людей Индии, во имя демократии. Этот заговор направлен против самого существования демократии».

Перед лицом этой угрозы правительство Индиры Ганди приняло ответственное решение: в стране введено чрезвычайное положение, руководители готовившегося мятежа арестованы. В соответствии с конституционной процедурой эти меры были санкционированы президентом Индии.

Индийские трудящиеся поддержали прогрессивное правительство И. Ганди. Народ Индии с удовлетворением воспринял декрет о введении чрезвычайного положения и решительные меры против реакционных заговорщиков. В поддержку правительства выступили Всеиндийский конгресс профсоюзов, Коммунистическая партия Индии, другие партии и организации левых сил.

Правительство приняло также меры против возможных попыток реакции прибегнуть к экономическим диверсиям. В изданных им распоряжениях говорится, что будут приняты самые строгие меры по отношению к укрывателям продовольствия и дельцам «черного рынка» в случае, если они попытаются искусственно вызвать недостаток продовольствия или взвинтить цены на товары первой необходимости.

Как подчеркнул официальный представитель правительства, попытки оппозиционных партий организовать беспорядки и спровоцировать политические забастовки в ряде штатов окончились неудачей. Правительство твердо контролирует положение. В его адрес поступают тысячи писем и телеграмм, в которых выражается поддержка проводимой им политики. Во многих городах страны проходят митинги и манифестации. «Реакция не пройдет!» — в этом лозунге отражена решимость народа Индии отстоять прогрессивные завоевания.

Виктор КУДРЯВЦЕВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ ЖЕНЩИН

В мексиканской столице продолжает свою работу Всемирная конференция ООН в рамках Международного года женщины. Девиз конференции «Равенство, развитие, мир». В повестку дня конференции включены вопросы обеспечения подлинного равенства женщин в экономической, политической и социальной жизни своих стран, всемерного повышения их роли в укреплении мира, в утверждении дружбы и сотрудничества между народами.

Нынешний женский форум беспрецедентен по своему характеру и представительности. В его работе участвуют около 150 делегаций, представляющих правительства и международные организации.

С огромным вниманием была выслушана на конгрессе речь главы советской делегации, члена Президиума Верховного Совета СССР, председателя Комитета советских женщин В. В. Николаевой-Терешковой.

Специальная программа мексиканского телевидения была посвящена советской делегации и ее руководителю — первой в мире женщине-космонавту Валентине Николаевой-Терешковой.

На снимке: В. В. Николаева-Терешкова беседует с делегатами конференции.
Телефото ТАСС



●

В Центральном выставочном зале Москвы открыта международная художественная выставка «30 победных лет». В ней принимают участие мастера изобразительного искусства Болгарии, Венгрии, Демократической Республики Вьетнам, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Советского Союза, Чехословакии. Представленные здесь произведения живописи, скульптуры, графики посвящены темам антифашистской борьбы и социалистического строительства. Общая идея выставки — триумф победы прогрессивных сил человечества.

На снимке: посетители знакомятся с выставкой «30 победных лет».
Фото А. Конькова (ТАСС)





Пошла кубанская пшеница!

КУБАНЬ СЧИТАЕТ ДНИ

Виктор ЛОГИНОВ, фото А. ГОСТЕВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Начало см. на 2-й стр. обл.

...Чайка взмывает над обрывом и с криком летит над пшеничным полем. Пшеницу от моря отделяют узенькая песчаная отмель, обрыв да полевая дорога. Возле самой дороги разворачивает свой пропыленный «Колос» Алексей Федюшин, комбайнер ейского колхоза имени Ленина. Он выключает мотор и медленно спускается из кабины на стерню. Крик чайки да гул второго комбайна в отдалении — и больше не слышно других звуков над этим полем. Федюшин смотрит в ту сторону, где его друг Федор Стрелец домолачивает последний валок, и подходит к обрыву. Посередке Азовского моря тонет солнце. Оно большое и красное. И такое же красное сейчас лицо у Федюшина...

А чайка кричит, как будто хочет оповестить, что еще одно поле скошено и обмолочено. Еще одно. Никто не знает, какое оно по счету на Кубани, ясно, что не последнее.

И у Алексея Федюшина оно не последнее. Он работал двадцать часов подряд. Намолотил почти тысячу центнеров пшеницы. Теперь короткий отдых. Два-три часа поспать — и снова за штурвал комбайна.

Кубанское поле... Не только это, маленькое, возле моря, а все — огромное, целое. Оно больше, чем море. И отсюда, от берегов Ясенского залива, простирается оно до кавказских предгорий. От Тамани тянется до калмыцких степей. И на всем его пространстве сейчас, пожалуй, не найти места, где не ревели бы моторы. Не только днем, но и ночью нет тишины. Гудит круглосуточная жатва. Кубанцы убирают хлеб, считая часы и дни по своему календарю. Он в этом году особый — экономный, сжатый до предела. В хозяйствах учитывается каждый рабочий час. Без скидок на дожди и бури.

В прошлые годы хлеб убирали недели четыре. А случалось, что эта работа длилась и больше чем месяц. Затягивали, затягивали с уборкой — и теряли на гектаре не килограммы, а многие центнеры зерна. Такое расточительство терпеть больше нельзя. Время продиктовало: пора научиться завершать страду в сжатые сроки. Если передовик намолачивает за день тысячу и более центнеров, значит, к такому результату могут стремиться и остальные. И вот в начале года впервые на Кубани были произнесены слова: «Завершить уборку за 8—10 календарных дней!» Календарных. Это непременно подчеркнет каждый кубанец. В этом секрет. Как из песни не выкинешь слова, так из календарной недели не вычеркнешь, допустим, дождливый понедельник.

Календарная десятидневка. Считанные дни. Поэтому так энергично, дружно, яростно началась на огромном кубанском поле жатва. Поэтому почти не спят комбайнеры. И хотя намолоты не везде щедрые — погулял по степи перед самой уборкой разбойничий суховей,— мощный поток зерна с токов на элеваторы не прекращается ни на минуту. На обмолоченных полях скирдуется солома. Очищенные массивы тотчас же перепахиваются. С самолета видно, что тут и там желтые и зеленые квадраты чередуются с черными. И везде на дорогах колеблются ветром серые паруса пыли. Всем известно избитое сравнение страды с полем битвы. Но именно полем сражения и выглядит сейчас из поднебесья вся кубанская степь от Кущевской до Армавира.

Жатву на Кубани обычно начинают южные районы. В этом году, наоборот, первыми приступили к уборке северяне — Белоглинский, Новопокровский, Ейский, Кущевский районы. Здесь хлеба поспели быстрее.

Это в Кущевском районе, на полях совхоза «Новомихайловский», работает герой кубанской жатвы Герой Социалистического Труда Борис Пономаренко. Еще в начале года он призвал собратьев-механизаторов использовать уборочную технику с наивысшей производительностью. В первый же день уборки пшеницы Борис Пономаренко выдал из бункера своего «Колоса» более тысячи центнеров зерна! А затем суточные намолоты у него стали расти и расти, приближаясь к заветным двум тысячам центнеров. Соревнуясь с ним, Алексей Федюшин из ейского колхоза имени Ленина также ежесуточно намолачивает более тысячи центнеров пшеницы.

Уборочная страда на Кубани перевалила зенит. Уже отрапортовали об окончании уборки не только отдельные хозяйства, но и целые районы. На который день будет обмолочено последнее кубанское поле? Сейчас трудно сказать, но ясно одно: Кубань отдаст все силы, чтобы до зерна взять трудный хлеб нынешнего года.

УТРО В

А. И. ЛАЗАРЕВ,
доктор технических наук,
Е. В. ХРУНОВ,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза,
кандидат технических наук

Все ближе подходит дата — 15 июля 1975 года. В этот день начнется совместный космический полет кораблей «Союз» и «Аполлон».

Командир советского экипажа — летчик-космонавт СССР Алексей Леонов. Нам хочется рассказать о малоизвестной страничке его биографии, о том, как работы Леонова-художника, выполненные им после первого в истории открытого выхода в космос, позволили ученым приподнять завесу над еще не познанными явлениями природы, создать новые исследовательские приборы.

«Космос бесконечно разнообразен. По мере проникновения в межпланетное пространство все чаще будут встречаться с такими явлениями, о которых до этого вообще ничего не было известно. Но ведь именно эти новые проблемы, о которых мы сейчас и не догадываемся, и обеспечивают те качественные скачки, которые существенно расширяют наши знания законов природы... В научных исследованиях часто бывают «неожиданные» результаты и «неожиданные» гипотезы. Так поступают иногда и авторы рисунков» — такое смелое предположение высказал Юрий Алексеевич Гагарин в предисловии к первому альбому картин А. Леонова и А. Соколова «Ждите нас, звезды». Сейчас при анализе атмосферно-оптических явлений, запечатленных на картинах А. А. Леонова, это предвидение полностью оправдалось.

Картины «Утро в космосе», «На орбите — большая космическая станция», «Голубой пояс Земли» представляют не только художественную, но и научную ценность.

Возьмем работу «Утро в космосе» (см. последнюю страницу обложки). Картина полностью документальна. Эскиз к ней был выполнен Алексеем Архиповичем во время полета цветными карандашами на страницах бортжурнала. На картине у горизонта Земли видно восходящее Солнце, окруженное лучами его собственной короны. Лучи простираются на расстояние почти до двух радиусов светила, считая от его центра. Между тем известно, что никто из других космонавтов при полетах по орбите искусственных спутников Земли не видел солнечной короны. Более того, ученые были уверены в невозможности таких наблюдений с борта космического корабля, по крайней мере в дневное время. Этот вывод специалисты, в общем, правильно обосновывали: рассеянный свет иллюминаторов помешает прямому наблюдению не слишком яркой солнечной короны. Поэтому ее исследования из космоса рекомендовалось вести так же, как это делают на Земле: либо наблюдать корону во время затмения светила, либо применять коронограф — сложный и громоздкий прибор с закрывающим прямое изображение Солнца непрозрачным экраном. Такой прибор был установлен на американской орбитальной станции «Скайлэб», запущенной в космос в 1973 году.

Ну а если наше дневное светило находится у горизонта Земли? Можно ли тогда увидеть корону без всяких приборов? Ведь в этом случае лучам Солнца приходится пронизывать плотные слои атмосферы, что уменьшает яркость оптических помех от рассеянного света иллюминаторов. Но появляется другая помеха: естественный фон в виде сумеречного излучения земной атмосферы. От соотношения этих двух факторов и зависит возможность визуального наблюдения короны.

Однако все дело в том, как высоко находится Солнце над горизонтом и на какой высоте пролетает космический корабль. Чем выше поднимается космический корабль, тем меньше становится угловой размер светящегося слоя атмосферы. А угловой размер солнечной короны остается постоянным. Поэтому на какой-то высоте полета корона будет видна через слабо светящиеся слои верхней атмосферы Земли.

Напомним теперь, какой была орбита пилотируемого корабля «Восход-2». Ее апогей составлял около 500 километров, тогда как высота полета всех других космических кораблей с экипажами, летавших по орбитам искусственных спутников Земли, не превышала 350 километров. Вот почему никто из других космонавтов не видел (и не мог видеть) лучей солнечной короны.

Подобные исследования еще более интересны, если взять ультрафиолетовую часть спектра, где яркость короны гораздо больше, чем в инфракрасной и видимой областях. Цифровые расчеты показывают, что наблюдения короны в ультрафиолетовой части спектра возможны уже с высоты около 400 километров.

Вот это-то наблюдение Леонова подсказало одному из авторов этой статьи идею усовершенствования классического коронографа с непрозрачным экраном, полностью перекрывающим прямое солнечное изображение. В качестве экрана коронографа было предложено использовать светофильтр, ослабляющий яркость прямого изображения Солнца до уровня яркости короны. Замена непрозрачного экрана светофильтром значительно расширяет возможности коронографа, позволяя проводить исследования различных физических процессов одновременно в короне и на Солнце.

Таким образом, как вы видите сами, картина художника, побывавшего в космосе, подсказала специалистам новое конструктивное решение астрономического прибора.

Теперь вспомните другую деталь картины «Утро в космосе».

У сумеречного горизонта видны три резко очерченных цветных слоя: красный, желтый и голубой.

Находясь на Земле, мы не видим многокрасочной картины сумеречного горизонта. В то же время многие космонавты, в том числе и один из авторов этих строк, многократно наблюдали из космоса красочную картину цветового сумеречного ореола с плавно изменяющимися цветами. Чем же она вызвана? Оказывается, высотной изменчивостью спектрального состава излучения, поглощенного и рассеянного сумеречной атмосферой. Еще в 1969 году теоретические расчеты показали, что с высоты 250 километров будут видны цветные слои сумеречного ореола, правда, с плавно изменяющимися границами. Когда космический корабль «Восход-2» был на высоте 500 километров, взору предстала картина резко разделенных цветных слоев, ибо угловые размеры слоев и особенно переходных зон между ними становятся очень малыми.

А вот еще одно интересное наблюдение, сделанное с «Восхода-2». Оно изображено на картине «На орбите — большая космическая станция».

Со школьной скамьи все помнят закон зеркального отражения: «Угол падения равен углу отражения». Но иногда забывают, что луч падающий, луч отраженный и нормаль в точке падения лежат в одной плоскости и что зеркальное отражение можно наблюдать только в ней. Этот закон один из основополагающих в геометрической оптике. Он оказался применимым и к земной атмосфере при наблюдении за ней из космоса.

Эффект зеркального отражения Солнца от атмосферы Земли наблюдался над территорией Австралии, когда корабль «Восход-2» 19 марта 1965 года в 2 часа 21 минуту по московскому времени пролетал Индийский океан на высоте 495 километров. В дальнейшем способность земной атмосферы создавать заметное зеркальное отражение под небольшими углами скольжения была подтверждена фотографиями Солнца, солнечной короны и околосолнечного ореола, которые были получены с космического корабля «Союз-5» в январе 1969 года, на котором летал один из авторов этой статьи, а также с пилотируемых космических кораблей «Аполлон-12», «Союз-13» и орбитальной станции «Салют».

С орбитальной станции «Скайлэб» в декабре 1973 года, по-видимому, с помощью бортового коронографа удалось зарегистрировать зеркальное отражение Солнца от газопылевого хвоста кометы Когоутека. Это уникальное явление, возможно, имеет ту же природу, что и ранее наблюдавшееся с космических кораблей «Восход-2», «Союз-5», «Аполлон-12», «Салют» и «Союз-13». Тщательный анализ всех условий наблюдения кометы Когоутека с орбитальной станции «Скайлэб» позволит сделать более определенные выводы.

Способностью создавать заметное зеркальное отражение под небольшими углами скольжения обладают, по-видимому, и другие планеты и кометы с плотной газовой оболочкой или хвостом, значит, появился новый способ раскрытия секретов атмосферы планет и

КОСМОСЕ







На фото: документальные кинокадры, снятые в космосе. Алексей Леонов впервые в истории человечества выходит в открытый космос.

ТАСС.

хвостов комет с помощью зеркального отражения электромагнитных волн. В частности, одним из авторов этой статьи подробно рассмотрена возможность наблюдения зеркального отражения Солнца от Венеры с помощью наземного или спутникового коронографа. Расчеты показали, что с помощью спутникового коронографа, подобного тому, что был установлен на орбитальной станции «Скайлэб», по-видимому, можно провести такое исследование.

Наблюдения А. А. Леонова натолкнули на мысль, что зеркальное отражение солнечного излучения происходит как при входе в плотные слои атмосферы, так и при выходе за ее пределы. Такое явление наблюдали К. П. Феоктистов с корабля «Восход» и один из авторов этой статьи с «Союза-5» перед восходом Солнца. Над краем горизонта, в надсолнечной области, появляется розовая полоса с красноватой вертикальной черточкой, быстро превращающейся в светящийся овал, который в дальнейшем виден как часть диска Солнца, постепенно поднимающегося над горизонтом.

Зеркальным отражением от плотных слоев атмосферы при выходе за ее пределы, по-видимому, можно объяснить и некоторые «земные» загадки, например, «таинственные огни Мпары», «зеленый луч», «парящие острова» и многие другие. На юго-запад от танзанийской деревни Кильва-Масохо на расстоянии 12 километров тянется горная цепь Мпара. Вечером на склонах гор возникает таинственный свет, напоминающий отблеск пламени. Много раз поднимались в горы отважные альпинисты, пытаясь разгадать эту тайну. Однако они не увидели там ни огня, ни его источника.

Появление огней Мпары, по-видимому, объясняется зеркальным отражением солнечного излучения при выходе за пределы плотных слоев атмосферы. Этим же можно объяснить и такое атмосферно-оптическое явление, как «зеленый луч». Жюль Верн очень образно рассказал о нем: «Заметили ли вы явление, происходящее в то мгновение, когда лучезарное светило бросает последний свой луч, если при этом небо свободно от облаков и совершенно прозрачно? Быть может, нет. Не пропускайте случая сделать подобное наблюдение: в ваш глаз ударит не красный луч, а зеленый, дивного зеленого цвета, такого, какого ни один художник не может получить на своей палитре и какого не воспроизводит сама природа ни в разнообразных оттенках растительности, ни в цвете самого прозрачного моря».

Здесь уместно вспомнить и о других атмосферно-оптических явлениях. Очень часто в безоблачную штилевую погоду, когда воздух особенно прозрачен, острова в море, наблюдаемые с расстояния 15—20 километров, кажутся повисшими в воздухе. Например, если летом в утренние часы посмотреть с северного берега Финского залива на Кронштадт, остров Котлин и особенно форт Тотлебен у Сестрорецка, то они покажутся парящими над заливом. Можно предположить, что этот эффект вызван заметным зеркальным отражением излучения прибрежной полосы моря при выходе за пределы плотных слоев атмосферы.

А теперь вернемся снова к наблюдениям и картинам А. А. Леонова. Вспомните картину «Голубой пояс Земли». Изображенное на ней явление удалось наблюдать только на одном витке полета корабля «Восход-2», когда он находился на ночной стороне планеты. Речь идет о резко очерченном слое серо-голубого цвета у горизонта Земли. Сквозь этот слой высотой около 80 километров можно было видеть звезды и планеты, которые вдруг из белых становились красными.

Можно предположить, что причиной этого эффекта были серебристые облака, которые обычно наблюдаются на высоте около 80 километров. Дело в том, что прозрачность серебристых облаков для красных лучей значительно выше, чем для синих и зеленых. Поэтому звезды и планеты «краснеют» при наблюдении за ними через слой таких облаков. Это явление можно использовать для обнаружения и исследования серебристых облаков из космоса на ночной стороне Земли.

Наблюдения за цветом звезд и планет у горизонта Земли на высоте около 80 километров проводили и другие космонавты. В ряде случаев это изменение было незначительным. А вот при наблюдении с космических кораблей «Союз-5» и «Союз-12» замечено, что цвет звезд и планет изменялся от белого до желтого. Оказывается, изменение цвета звезд и планет зависит от плотности аэрозольного слоя. В случае аэрозольного слоя средней плотности цвет звезд и планет изменяется от белого до желтого. А если на этих высотах образовался более плотный аэрозольный слой, который в сумеречных условиях наблюдается в виде серебристых облаков, то происходит уже сильное изменение цвета звезд и планет от белого до красного. Так, наблюдение А. А. Леонова, изображенное им на картине «Голубой пояс Земли», позволило проводить качественные исследования плотности аэрозольного слоя на высоте около 80 километров.

При киносъемке, проводившейся во время выхода А. А. Леонова в открытый космос, был зарегистрирован яркий блик в просветах земной облачности. Анализ показал, что этот блик может быть объяснен отражением солнечного излучения от весеннего снега с настом. Дело в том, что во время регистрации блика космический корабль «Восход-2» пролетал над бескрайними равнинами Казахстана, покрытыми весенним мартовским снегом. Яркие блики от весеннего снега с настом хорошо наблюдаются и на Земле, например, во время лыжной прогулки по снежному полю. Для защиты от ярких бликов лыжники в весеннее время, особенно в горных районах, носят темные очки. Полет «Восхода-2» показал, что яркие блики от весеннего снега с настом можно наблюдать из космоса.

Так глаз художника за сравнительно короткое время космического полета сумел подметить ряд неизвестных оптических эффектов в земной атмосфере и ближнем космосе. Наблюдения сумеречного горизонта во время восхода или захода Солнца открывают новые перспективы исследования солнечной короны, расширяют возможности изучения оптических характеристик атмосферы. Картина «Голубой пояс Земли» впервые позволила проводить исследования серебристых облаков на ночной стороне планеты. Благодаря наблюдениям художника удалось дать новое объяснение давно знакомым, но необычным атмосферно-оптическим эффектам...

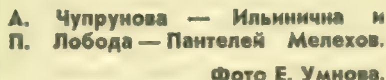
СЦЕНЫ ШОЛОХОВСКОГО РОМАНА



С. Королева в роли Аксиньи, П. Морозенко — Григорий.



Сцена из спектакля.





А. Чупрунова — Ильинична и П. Лобода — Пантелей Мелехов.

Фото Е. Умнова.

ДОРОГАЯ ЛЮДЯМ СУДЬБА

В одном из юбилейных интервью Михаил Александрович Шолохов, отвечая на вопрос корреспондента телевидения «Ваши любимые работы», назвал «Тихий Дон» и «Судьбу человека». Наверное, почти все читатели тоже назовут эти произведения своими любимыми.

«Судьба человека» дорога людям своей душевностью. Мужество и терпение, стойкость и высокая человечность, смелость и вера в правду, храбрость и наивная нежность... Эти и еще многие качества человеческой души вобрал в себя бесхитростный, кажется, образ русского человека, вынесшего на своих плечах страшную тяжесть войны.

Шолоховский Андрей Соколов — это ведь и есть тот «неизвестный солдат», которому зажжены факелы Вечного огня на площадях многих городов, как память о непобедимой силе характера, души русского человека.

Вот о чем думаешь на спектакле «Судьба человека» Московского театра имени А. С. Пушкина, посвященном тридцатилетию Великой Победы.

Драматургу Петру Градову и постановщику спектакля, народному артисту РСФСР Борису Толмазову посчастливилось обнаружить в шолоховской повести и воспроизвести на сцене какие-то заветные писательские междустрочия,— те сокровенные раздумья, которые и делают образ героя таким поэтичным, романтически приподнятым, приближая его к былинным богатырям, но не отнимая подлинной правды жизни.

Заслуженный артист РСФСР А. Кочетков в роли главного героя ведет свой драматический монолог талантливо и своеобразно. Андрей Соколов не переживает заново на глазах у зрителей все трагические ситуации своей биографии, а будто через пелену давних воспоминаний показывает путь русского солдата по дорогам войны.

По замыслу художника В. Шапорина сцена превращена в монументальный пьедестал, на котором и возникают картины жизни героя. Вот мирное семейное счастье молодого Андрея: веселая, ласковая Ирина — ее играет Т. Лякина, подрастающие дети... И вдруг — война; сцена прощания. Не насмотрится на мужа Ирина, не оторвется. Будто сердцем чувствует: в последний раз обнимает его.

И вот уже перед нами картины боя. Потом — плен. Смертельный поединок солдата с фашистским офицером. И победа русского человека, превосходство духовной его силы над звериной сутью врага.

В спектакле более двадцати действующих лиц. Надо было бы перечислить прекрасные работы многих артистов. Но это как раз тот случай, когда важнее отметить другую ценную черту: органическое чувство ансамбля, возникновение особой целостности спектакля, когда актеры, послушные мысли режиссера, не стараются играть сольную партию, а вступают тончайшим пианиссимо в общую патетическую мелодию драмы.

Возникает чувство, заставляющее замирать зрительские сердца, то особое состояние души, которое рождается лишь перед картиной большого мастера.

Н. ЗЫБИНА

Фото В. Петрусовой

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
РОБЕРА ДЕСНОСА

ПРЕКРАСЕН ДНЯ РАСЦВЕТ



«Из всех поэтов, которых я знал, Деснос был самым непосредственным, самым свободным, он был поэтом, неразлучным с вдохновеньем, — писал о Десносе Поль Элюар. — Он был самый смелый из нас...»

Судьба Десноса, поэта глубоко французского, вся отражена в его творчестве. Подобно Федерико Гарсиа Лорке, Робер Деснос умер с песней на устах.

1900—1945 годы. Между этими вехами заключена жизнь поэта, погибшего в расцвете сил и таланта, справедливо называемого сегодня гордостью французской поэзии XX века.

Деснос удивительно полно выразил в своем творчестве национальный дух французской поэзии. Яростный бард пиратов и разбойников и галантный трубадур, певец Прекрасной Дамы, восславленной им в стихах редкой красоты и искренности, автор дерзких народных куплетов и строго классических сонетов, сценарист и кинокритик, мудрый философ и сказочник — Деснос поразительно многогранен.

Начав печататься в 1919 году, Деснос очень быстро сближается с дадаистами, потом с сюрреалистами. Один из самых неистовых приверженцев раннего сюрреализма, Деснос, однако, одним из первых порывает с этой школой.

Характерно само название одного из его стихотворений 30-х годов — «Товарищи». Своих героев поэт отныне ищет не в сумерках, не в бурной пучине моря, не в таинственных замках, но в толпе, над которой реет красное знамя. В его стихах отчетливо ощущается вихрь классовых бурь, проносящихся над Францией.

Ростовский драматический театр имени М. Горького в дни 70-летия М. А. Шолохова показал в Москве, на сцене Малого театра, свой новый спектакль «Тихий Дон» (драматическая композиция И. Зарубина).

С первой же минуты спектакль радует изобразительной достоверностью; художник, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Е. Коваленко переносит нас в степной край, на берег казачьей реки, где встретились Григорий Мелехов и Аксинья, красивая, как сама донская степь...

«Волосы у тебя дурнопьяном пахнут. Знаешь, этаким цветком белым...» Заслуженный артист Украинской ССР П. Морозенко в роли Григория находит те проникновенные черты, которые позволяют ему создать убедительный образ главного героя.

Но «Тихий Дон» немыслим и без Аксиньи. Молодая артистка С. Королева наделила свою героиню обаятельностью, прирожденной женственностью.

Великолепно исполняет роль Пантелея Прокофьевича, отца Григория, народный артист РСФСР П. Лобода. Ильиничну, с ее материнской душевностью, играет заслуженная артистка РСФСР А. Чупрунова.

Однако же несомненный успех ростовского спектакля объясняется тем, что не только для этих главных ролей нашел театр талантливых, одаренных актеров. Здесь все исполнители не нарушают ансамбля, созданного Я. С. Циципозским, главным режиссером Ростовского драматического театра. Благороден образ Натальи у артистки Т. Малиновской; в роли казака Прохора приметен талант народного артиста РСФСР М. Бушнова; запоминаются в эпизодических ролях народный артист республики В. Шатуновский, заслуженные артисты республики С. Хлытчиев, И. Швейцер, В. Волков, артист Ф. Пряников... Короче, хорошее впечатление оставляют все участники этого интересного спектакля, успеху которого способствовали волнующие сердце, самобытные казачьи мелодии.

Мы увидели сцены великого шолоховского романа. Они действительно *шолоховские*. И зритель благодарит за это ростовский театр.

Михаил АНДРИАСОВ



УДАЧА БРЯНСКОГО ТЕАТРА

Диктаторы боятся песен: в Германии они целились в Эрнста Буша — «поющее сердце рабочего класса», в Испании казнили Гарсиа Лорку, в Чили — Виктора Хару.

Гитара связана веревкой, как узник. Тугие узлы сдавили струны — палачи боятся песен. Но песни прошли сквозь стены тюрем, чтобы рассказать о героических и горьких днях своей родины. Звучат связанные струны, поет казненный Виктор Хара. Так начинается спектакль «Чилийская трагедия», поставленный главным режиссером Брянского драматического театра В. Терентьевым по пьесе лауреата Государственной премии СССР Ю. Чепурина.

Этот спектакль — поэтическое отображение последних дней жизни и борьбы президента Республики Чили Сальвадора Альенде. Он был предательски убит военной хунтой; удар, нанесенный неофашизмом, пришелся в самое сердце чилийской революции. Но оно бьется — революционное сердце Чили! И мы слышим взволнованный голос Альенде, его играет заслуженный артист РСФСР Г. Постников.



Сцена из спектакля.

Актер создает образ достоверный и яркий. Большое портретное сходство с Альенде не заслоняет у Постникова правду чувств, огромное уважение к своему герою, гордость за него.

Сейчас, когда тайное стало явным, мы знаем, что народ будет предан, что Сальвадор Альенде погибнет. Но мы все-таки надеемся — и спектакль до последней минуты поддерживает нашу веру,— что революция победит. Мы видим друзей революции: сенатора Муньоса Орландо, шофера коммуниста Эриберто Флореса, комсомольца Мануэля, безымянного солдата. Мы видим врагов. Видим тех, кто сам не знает, на чьей стороне он оказался, но больше всего — обманутых, преданных...

Минуты прозрения становятся трагедией, когда прозревшие уже не в силах изменить ход событий. Одна из лучших сцен спектакля — встреча президента с его другом, коммунистом сенатором Муньосом Орландо (артист А. Бабаев). Он говорит, что в подвалах казарм Сантьяго убивают солдат, преданных правительству, и просит Альенде перейти к решительным действиям. Но Альенде не хочет кровопролития, он думает, что никто не осмелится открыто выступить против воли народа.

Г. Постников великолепно передает сложность характера и положения Альенде, который своим оружием считал слово, идеи, политическую борьбу. И лишь когда хунта показала свое лицо, президент без колебаний взял автомат. «Никакая революция не может победить, если ее руководитель не способен встретить опасность в трудный момент»,— говорит он защитникам «Ла Монеды».

Альенде боролся до конца. До последнего удара сердца.

Но борьба не закончена. Она продолжается. В этом смысл спектакля, его оптимистическое звучание, его главная задача, великолепно понятая и решенная режиссером В. Терентьевым, художником А. Семичасным, режиссером звукозаписи А. Соколовым и, конечно, актерами.

Премьера «Чилийской трагедии» Ю. Чепурина стала большой творческой удачей Брянского драматического театра.

В. ВАРЖАПЕТЯН

Фото И. Рабиновича (ТАСС)

В 30-е годы Десноса увлекает идея создания «поэтического кино». Среди имен режиссеров, чьим творчеством восхищался Деснос,— Эйзенштейн, Пудовкин, Чаплин. Интересно высказывание Десноса о фильме Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»: «Вера и энтузиазм сотрясают этот фильм. Иногда кажется, будто слышишь биение сердец людей, способных верить... «Потемкин» поднял якорь в бессмертие и безудержно идет вперед. Оставляемая им борозда будоражит мир. Стихии, границы, люди бессильны против него, его нематериальный киль разбивает самые острые рифы».

После поражения Франции в июне 1940 года Деснос с немалыми трудностями возвращается из плена в оккупированный Париж. Он без колебаний выбирает Сопротивление.

Перу Десноса принадлежит в поэзии французского Сопротивления несколько блестящих страниц. Он был одним из тех, кто, по словам Арагона, в час страдания и мужества «раздавал свои песни от всей души, не спрашивая платы». В годы войны он пишет издевательские стихи о маршале Петене и коллаборационистах, сатирические памфлеты и грустно-философские сонеты. Наиболее известны два его стихотворения: «Это сердце, ненавидевшее войну» и «Ночной сторож на мосту Меняя», — в которых поэт великолепно передает нарастание гнева французского народа, его ненависти к оккупантам.

22 февраля 1944 года Десноса предупредили по телефону: «Не ночуйте дома...» Поэт побоялся, что, если он скроется, возьмут его жену Юки, и спокойно открыл дверь, когда в нее забили кулаками.

Сначала он попадает в тюрьму Френ, потом в Компьенский концлагерь, откуда заключенных отправляли в рейх. Ему пришлось вынести Освенцим, затем Бухенвальд. Мучительный марш по лагерям смерти кончается для него в Чехословакии, в форте Терезин, где Деснос заболел сыпным тифом. Когда 8 мая 1945 года Советская Армия и чешские партизаны освободили узников лагеря, состояние Десноса было уже безнадежным. Через месяц его не стало...

В сонете «Завтра», написанном в разгар войны и борьбы, Деснос говорит о будущем. Это стихотворение воспринимается сегодня как завет поэта, отдавшего жизнь за свободу Франции, завет тем молодым, что будут жить после него и чье завтра прекрасно:

Из глубины ночной, во мраке леденящем
Свидетельствуем мы: прекрасен дня расцвет.

Галина ВАСИЛЬЕВА,
кандидат филологических наук

В 40-е годы Деснос пишет и стихи для детей. Жестокости и террору, демагогии и коварству поэт противопоставляет мир чистоты и света, мир детства и сказки.

Ниже публикуются стихи Десноса для детей в переводе Анатолия Яни.

ЯЩЕРИЦА

Ящерица, скал жилица,
Призрак стен и штолен,
Ящерица, нивы жница,
Гостья колоколен.

Язычком ты воздух сверлишь
И моргаешь глазками,
А потом хвостом ты вертишь,
Кувыркаясь, с плясками.

Изумрудна ты, сапфирна,
Блещешь синью спелой сливы.
Украшенье, брошка мира,
Ящерица — диво!

ЭДЕЛЬВЕЙС

Высоко в горах Монблана
Эдельвейс цветет звездой,
Видя, как с аэроплана,
Францию и город мой.

Высоко в горах Монблана
Он цветет звезды светлей,
Как прекраснейшая тайна
Милой Франции моей.

В редакцию «Огонька» почта принесла такое письмо: *«Городу Трубчевску — 1000 лет. Примите от юбилейной комиссии с древней русской земли искреннее поздравление с праздником 30-летия Победы и наши наилучшие вам пожелания... Приглашаем вас посетить наш древний русский город в удобное для вас время.*

С уважением
секретарь райкома КПСС,
председатель юбилейной комиссии
Н. Тихонов».

Через несколько дней наши специальные корреспонденты побывали на Брянщине.



Проект памятника Бояну.


Трубчевск растет и строится.

В СЕМЬЕ ГОР

Светозар БАРЧЕНКО
Фото Германа МАКАРОВА

Мне думается, что трудно встретить теперь человека, которому со школьных лет не запали бы в сердце гордые и прекрасные слова: «Ярый тур ты, Всеволод! Стоишь ты впереди с курянами своими! Прыщешь стрелами на вражьих воев, о шеломы их гремишь мечами! Где ты, буй-тур, ни поскачешь в битве, золотым посвечивая шлемом,— там валятся головы поганых...» А кто не знает славных городов Древней Руси — Киева, Чернигова, Новгорода Северского, Путивля, Курска?.. Однако то, что буй-тур Всеволод, коему и посвящены в «Слове о полку Игореве» эти проникновенные строки, княжил в городе Трубече (по-нынешнему Трубчевске), известно, пожалуй, далеко не каждому.

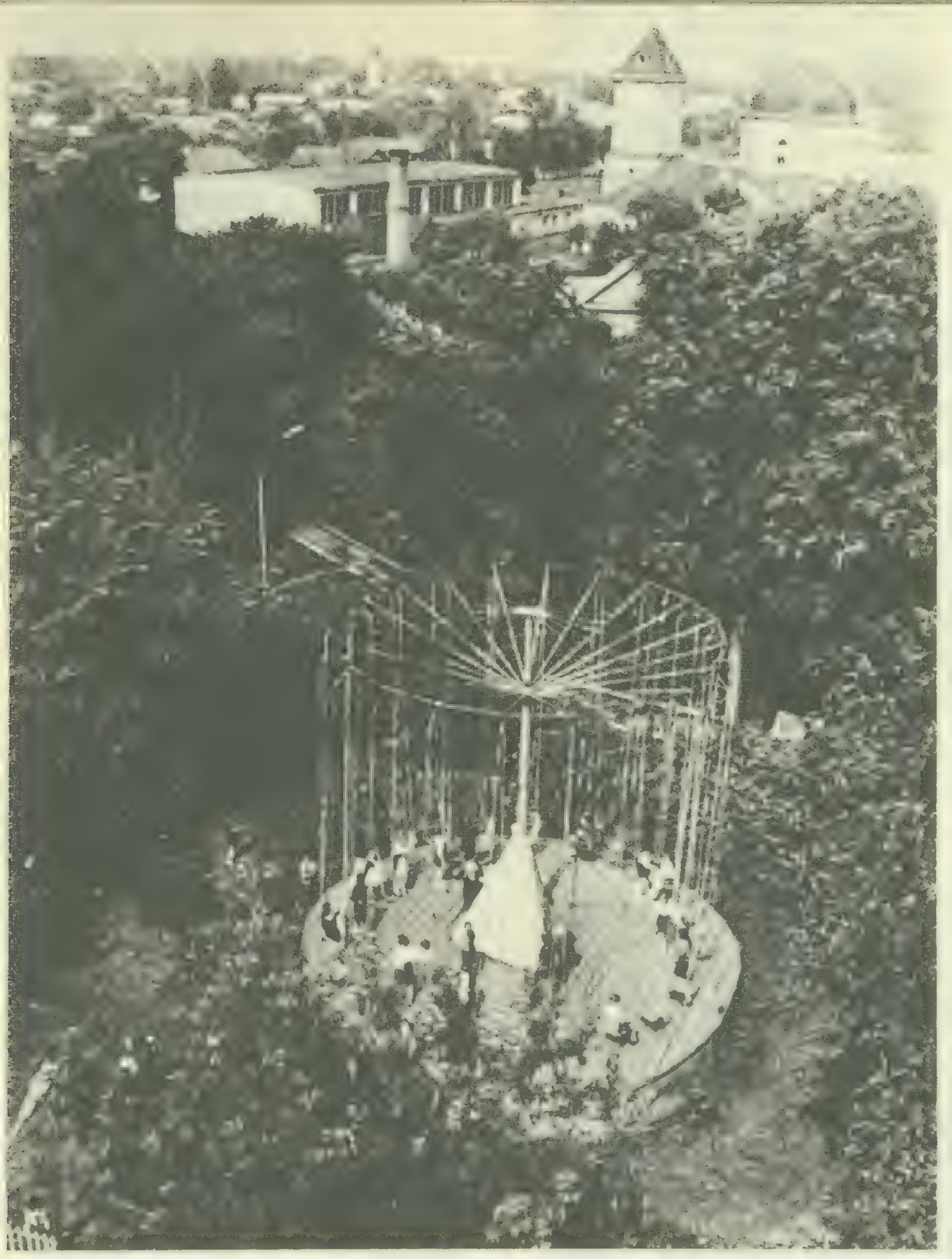
Десять столетий стоит на крутом взгорье над светлой рекой древний Трубчевск, воздвигнутый еще до того, как киевский князь Владимир повелел «...нача ставити городы по Десне, и по Встри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне», дабы обезопасить порубежные русские земли от кровавых печенежских набегов. Тысяча лет прошумела над ним! Вдумайтесь только — тысяча...

Вьется по Брянщине красавица Десна. То высоки, то отлоги ее берега; то быстры, то неспешны ее прозрачные воды. С одной стороны к речным меловым отрогам подступают шумливые березовые перелески, прилегают тихие поля. А по другую сторону, за пушистой опояской прибрежного лозняка, где по весне ни на миг не умолкает соловьиный бой, распахнулась такая ширь, что глянешь вдаль — и дух захватывает! Пойменные луга с зеркальными блестками озер и стариц, купы зеленеющих ив, а за ними до самого окоема молчаливо простерлись в синеющей дымке дремучие Брянские леса. Край нелегкой судьбы, древнее лоно хлебопашцев и воинов, овеянные немеркнущей ратной и партизанской славой места.

Не однажды здесь находили себе могилу те, кто приходил с мечом на эту мирную землю. В придеснянских курганах рассыпаются прахом каленые наконечники татарских стрел, истлевают кованные в ливонских пределах рыцарские кольчуги, ржавеют бесшабашные сабли польских шляхтичей...

В сорок первом году под Трубчевском были остановлены рвавшиеся к Москве танковые армады фашистов. После полуторамесячных боев они были вынуждены откатиться от города, потеряв несколько тысяч солдат и две сотни танков. Но все же гитлеровцы почти на два года захватили Трубчевский район, хотя ни единого дня не чувствовали себя в нем хозяевами.

Тысячи бойцов из двенадцати трубчевских партизанских отрядов объединились в парти-





ОДОВ РУССКИХ

Молодость древнего города.





Партизан Порфирий Герасимович Ланцев.



В Брянском лесу тишина.

занскую бригаду, которой командовал секретарь райкома партии Алексей Дмитриевич Бондаренко, удостоенный в 1942 году звания Героя Советского Союза. Иван Семенович Сенченков, бывший до войны председателем Трубчевского райисполкома, командовал отрядом. Из тридцати восьми сельских Советов, находившихся на территории района, более половины были освобождены партизанами и удерживались до подхода наших регулярных частей. В тылу у фашистов, в селе Гнилево, работали райком партии, райисполком и другие советские учреждения. Колхозники не только проводили сев, уборку, снабжали продуктами партизан, но и собирали деньги в фонд Красной Армии.

Свыше одиннадцати тысяч захватчиков осталось навеки в трубчевских лесах.

И по сию пору тут еще можно найти укрытую под могучими соснами штабную партизанскую землянку либо наткнуться на обвалившуюся, полузаросшую траншею. Не торопись обойти ее стороной, остановись, подумай...

Свистнет над головой твоей на жаркой закатной ветке хлопотливая синица, дробно застучит вдалеке дятел, откликнется ему из ольхового чернолесья гулкая кукушка,— и тотчас умолкнет, словно опасаясь потревожить окруживший тебя покой. Вот лишь тогда, быть может, ты и сумеешь прикоснуться к прошлому, постичь его и вдруг осознать: ведь уже тридцать лет в Брянских лесах тишина.

Но было бы неверно считать, что нечем, кроме былой славы, гордиться нынешнему Трубчевску. В городе, где населения всего пятнадцать тысяч, есть политехникум, совхоз-техникум, педагогическое училище, несколько средних школ и других учебных заведений. Почти половина горожан учится. И, наверное, поэтому иной раз на улице кажется, что попал ты в какой-то невиданный город, где люди не стареют, а с годами делаются моложе и красивее.

Средние специальные учебные заведения Трубчевска ежегодно направляют в народное хозяйство полторы тысячи специалистов. Строятся новые заводы, которые ускорят дальнейшее развитие города. Сюда приезжают учиться и работать не только из Брянска, но даже из городов Украины и Белоруссии.

Город ширится и растет. Постепенно исчезают приземистые, ветхие постройки, а на их месте поднимаются многоэтажные, светлые корпуса. Построен учебный городок совхоза-техникума, в новое здание переезжает политехникум. За ним придет черед переселяться и городскому Дому культуры, а пока на старом доме висит мемориальная доска в честь знаменитой землячки певицы Анастасии Вяльцевой, которой суждено было в начале нашего века сыграть заметную роль в развитии русского эстрадного искусства.

Среди своих земляков чтят горожане генералов и академиков, заслуженных учителей и знатных полеводов. Однако я не могу не упо-





Штабная землянка партизанской бригады.



Директор Трубчевского комбината бытового обслуживания Вера Ивановна Осиновская восемнадцатилетней радисткой высаживалась с десантниками на Малую землю.

Командир партизанского отряда Иван Семенович Сенченков.

Старое, но грозное оружие.



мянуть еще об одном, пожалуй, самом знаменитом, хотя и будущем гражданине Трубчевска.

Пройдет совсем немного времени, и над городом поднимется фигура вещего Бояна. Первый на Руси памятник великому певцу сооружается по проекту молодых брянских скульпторов Алексея Кобылинца, Федора Городкова и архитектора Александра Маначинского. Они победили на закрытом творческом конкурсе. И теперь на заводе в Ленинграде уже отливается из бронзы этот монумент.

Сурово и вдохновенно лицо Бояна. Ветер взметнул его седые волосы. Крепкие руки перебирают рокочущие струны гуслей,— таким он будет стоять на детинце города.

В нашей стране есть много больших и красивых городов. Все они достойны самых горячих слов. Но мне особенно радостно думать, что в этой огромной и дружной семье советских городов есть невеликий город Трубчевск, расположившийся на крутом взгорье над скромной русской красавицей — Десной.



ШКОЛА ПРЕКРАСНОГО

Ирина АНТОНОВА,
директор Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

Снова реют знамена у фасада Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. И снова многотысячная очередь стоит у входа, невзирая на капризы погоды. Сегодня это новая выставка произведений из Дрезденской галереи. Москвичи привыкли видеть разноцветные флаги государств всего мира в гостях у нашего музея. Ведь каждая из таких выставок — событие, и все же главным событием последнего года стало открытие новой экспозиции картинной галереи. Ибо тем, что музей стал одним из важных центров художественной жизни страны, он обязан прежде всего огромной ценности своих коллекций. Поэтому экспозиция живописи в ее новом, расширенном составе — важный этап в истории музея имени А. С. Пушкина.

История музея... Невольно мысль обращается к 1912 году, когда состоялось его рождение. Далекое время. Поначалу музей изящных искусств был задуман его основателем профессором И. В. Цветаевым как университетский публичный музей, где главное место отводилось гипсовым слепкам с произведений скульптуры и архитектурных фрагментов Древнего мира, Средних веков и эпохи Возрождения. Но за многие десятилетия, прошедшие со времени его открытия, в составе собрания произошли огромные перемены.

В ноябре 1924 года, в дни празднования седьмой годовщины Великой Октябрьской революции, были открыты первые два зала картинной галереи. Это событие стало, по существу, вторым рождением музея, положив начало его превращению в собрание оригинальных произведений искусства. Оно создавалось путем перераспределения художественного достояния страны. И здесь огромное значение имели ленинские декреты и постановления об учете и охране памятников искусства, о национализации художественных ценностей.

На торжественном заседании Ученого совета музея, посвященного открытию галереи, А. В. Луначарский выступил с приветственным словом, в котором отметил, что впервые в Москве создается первоклассная галерея произведений живописи старых западных мастеров, достойная столицы. Особо он подчеркнул значение творчества старых мастеров для воспитания вкуса трудящихся масс и для формирования художников новой, революционной эпохи.

В 1937 году музей стал именоваться Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. А еще через десять лет, в 1948 году, в него влились коллекции Музея нового западного искусства, основу которых составили собрания двух московских коллекционеров — С. И. Щукина и И. А. Морозова.

Так в процессе многолетнего, целеустремленного и кропотливого собирания сложилась великолепная коллекция памятников музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, в которой отразился более чем пятитысячелетний путь мирового искусства. В залах музея можно увидеть подлинные египетские древности и произведения античных мастеров, в том числе и те, что были найдены на территории нашей страны при раскопках в Северном Причерноморье; одну из самых крупных в мире коллекций слепков с лучших памятников скульптуры Древнего мира, Средних веков и Возрождения; более трехсот тысяч рисунков и гравюр западноевропейских, американских и японских художников, а также самое полное в нашей стране собрание старой русской и советской гравюры, которое хранится в отделе графики. И, конечно, превосходную коллекцию картин зарубежных художников — гордость музея.

Полгода назад в отреставрированных залах открылась новая экспозиция, приуроченная к пятидесятилетию картинной галереи. Живописные полотна, подлинники скульптуры, прикладного искусства и мебели показываются ныне в масштабах и объеме, еще неизвестных зрителям. Залы, в которых экспонирована живопись, пополнились почти тремястами первоклассными произведениями. Одни из них долгое время находились в запасниках, другие составляют новые приобретения. Показывая отдельные национальные школы, мы впервые представляем их в границах соответствующих художественных эпох.

Экспозиция — это язык, на котором говорит музей, его концепция. Казалось бы, что может быть проще, чем развесить картины, объединив их временем и художественной школой. Но именно сам принцип показа — а мы стремились к научной объективности — помогает глубже оценить и понять искусство прошлого, его тенденции и направления, представить весь путь развития живописи от давних времен вплоть до сегодняшнего дня, его закономерности и особенности, плодотворность исканий великих мастеров. Мы показываем прежде всего искусство, обращенное к реальному, объективному миру, картины, в которых живет вера и надежда в человека, в неограниченные возможности разума и таланта. Ибо музей не только храм, куда приходят созерцать прекрасные полотна. Это форум, где идет борьба за высокие идеалы.

Нашу небольшую экскурсию по картинной галерее мы начнем с самых первых известных ныне произведений станковой живописи — «фаюмских портретов». Их создали в Египте в первые столетия нашей эры. Написанные восковыми красками на дощечках, эти изображения помещали на мумии, предполагая таким образом увековечить души умерших. Прошло более полутора тысяч лет, и, пожалуй, старое поверье осуществилось: фаюмские портреты продолжают жить, восхищая и удивляя многие поколения своей характерной индивидуальностью, одухотворенностью, загадочностью.

Впервые в экспозиции появился раздел византийского и итальянского искусства XI—XIV веков — произведений средневековой эпохи. Их творцы следуют условным композиционным и художественным приемам, характерным и обязательным для того времени, однако и в этих созданиях, в особенностях их рисунка, колорита, в эмоциональной окраске образов ощутимо своеобразие творческой индивидуальности художника, его видение и мироощущение.

А затем зрители попадают под очарование естественности, простоты, гармонии итальянских, немецких, нидерландских мастеров Возрождения. Небольшой по размеру шедевр Перуджино «Мадонна с младенцем», замечательная «Мадонна» Лукаса Кранаха Старшего, «Пейзаж со сценами из жизни святых» Доссо Досси — один из первых пейзажей в итальянском искусстве, «Несение креста» Херри мет де Блеса — всем этим разным вещам свойственно нечто общее: непосредственность, восхищение окружающим миром, природой, стремление передать возвышенность чувств, просветленность.

Поэтичный и тонкий художник итальянского кватроченто Боттичелли представлен «Благовещением». Мастер, родившийся и выросший во Флоренции, был связан с придворными кругами Лоренцо Медичи — с поэтами, гуманистами, создавшими особый мир изысканной и утонченной культуры. «Благовещение» — две небольшие узкие створки, заключенные в старинную раму того же времени и составляющие единую композицию,— поздняя работа художника. Когда создавалось это произведение, Боттичелли был захвачен проповедями Саванаролы, и в творчестве художника еще отчетливей сказался пронзительный лиризм, трепетность — чувство, переданное порывистой, гибкой, подвижной линией.

Среди учеников Леонардо да Винчи, представленных в музее, Джованни Больтраффио, несомненно, наиболее одаренный. Как и другие последователи великого мастера, он унаследовал его художественные приемы и в первую очередь «сфумато» — знаменитую светотень, нежную, прозрачную дымку, с помощью которой Леонардо моделировал объемы. «Святой Себастьян» из нашей коллекции был создан Больтраффио в самом конце XV века, когда Леонардо находился в Милане и молодой художник работал в его мастерской. В светской трактовке сюжета, в одухотворенной тонкости своего героя Больтраффио следует урокам учителя, стремясь воплотить идею о прекрасной, гармоничной личности эпохи Возрождения.

Кисти самого праздничного из венецианских мастеров — Паоло Веронезе принадлежит несколько полотен, лучшее из которых — «Минерва», эскиз, сделанный им к монументальной росписи, парный к «Диане» Эрмитажа. Как в настоящей маленькой жемчужине, в этой картине живут тончайшие красочные оттенки.

Один из самых сильных разделов нашей картинной галереи — живопись XVII столетия. Ведущие художественные школы того времени — Голландия, Фландрия, Франция, Италия и Испания — показаны весьма широко и полно. Творения Рембрандта, Рубенса, Пуссена, Якоба ван Рейсдаля, Клода Лоррена, Иорданса венчают эту часть коллекции.

Пожалуй, первое место принадлежит здесь собранию голландской живописи. Скромные, непритязательные портреты Морельсе и Равестейна, жанровые сценки Д. Хальса, пейзаж Аверкампа знаменуют начало национального искусства с его стремлением к правдивому отражению окружающей жизни. Перед нами драматические по настроению пейзажи крупнейшего голландского мастера Якоба ван Рейсдаля, крестьянские сцены Адриана ван Остаде и его же «Флейтист» — трогательная одинокая фигурка, написанная с редкой задушевностью и

Фаюмский портрет. ПОРТРЕТ ЮНОШИ. Начало или середина II века.



Сандро Боттичелли. 1444/5—1510. БЛАГОВЕЩЕНИЕ (МАДОННА АННУНЦИАТА. АРХАНГЕЛ ГАВРИИЛ). 90-е годы XV века.



Никола Пуссен. 1594—1665. РИНАЛЬДО И АРМИДА. Конец 20-х годов XVII века.





Рембрандт Харменс ван Рейн. 1606—1669. АССУР, АМАН И ЭСФИРЬ. 1660.



Клод Моне. 1840—1926. ЗАВТРАК НА ТРАВЕ. 1866.



Огюст Ренуар. 1841—1919. ДЕВУШКИ В ЧЕРНОМ. 1883.

Антон Рефрежье. Род. 1905. ДРУЗЬЯ. 1966.

Армандо Пиццинато. Род. 1910. КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ. 1959.

теплотой. Обращенные к повседневной жизни работы Питера де Хоха, Яна Стена, Эмануэля де Витте, тончайшего колориста Терборха, натюрморты Геды и Кальфа дают возможность увидеть голландскую школу живописи во всем многообразии ее проявлений.

Но, конечно, сокровище музея — произведения великого Рембрандта Харменса ван Рейна, воплотившего в своих творениях с неведомой до того глубиной и силой мир человеческих чувств, страстей, напряженную духовную жизнь героев. Шедевр художника — картина «Ассур, Аман и Эсфирь», или в новой транскрипции «Артаксеркс, Аман и Эсфирь», написанная в 1660 году.

Вокруг пиршественного стола художник изобразил персидского царя Ассура, его жену — прекрасную Эсфирь и приближенного к царю всесильного Амана. Рембрандт использует сюжет библейской легенды и показывает момент, когда Эсфирь обвиняет Амана в коварных замыслах. Она уже произнесла свое обвинение. Наступила напряженная пауза. Этот момент и выбрал гениальный голландский мастер, чтобы передать смысл происходящего. Склонила печальное лицо Эсфирь — главная героиня картины. Рембрандт окружает эту фигуру сиянием. Заливающий ее золотой луч света падает на царя. В отдалении от них, в тени, Аман. Он поник, он сливается с окружающим мраком. В такой расстановке живописных акцентов предвосхищение развязки.

Эта картина в 1862 году была передана из Эрмитажа только что основанному в Москве Румянцевскому музею. А пятьдесят лет назад, когда было принято решение о создании картинной галереи в Музее изящных искусств, она стала центральным экспонатом его собрания.

Уже в самой первой описи эрмитажных коллекций этот холст упоминался с примечанием: «Картина очень красива, но сильно повреждена». Несчастье произошло еще до того, как она попала в Россию, пострадав, видимо, от пожара. В начале прошлого века, в 1819 году, реставратор А. Митрохин «переложил картину с ветхого холста на новый».

Но произведение продолжало разрушаться. Еще дважды переводили красочный слой картины на новые холсты, и все же через несколько лет снова появлялись трещины и вздутия.

Было ясно, что замечательное творение Рембрандта надо спасать. Но как? В четвертый раз менять холст? Это — самое крайнее средство, и все же пришлось на него решиться. Министерство культуры СССР одобрило эту акцию. Новый перевод осуществил заведующий отделом реставрации музея Степан Сергеевич Чураков.

Живописный слой, чтобы не осыпался, он заклеил листами папиросной бумаги, сверху для надежности наклеил тонкую, ровную ткань и закрепил картину на специальном деревянном планшете. Осторожно, узкими полосами он отделил холст, наждачным брусочком утончил толстый, тяжелый слой грунта, а затем на его поверхность наклеил капроновый шифон — своеобразную арматуру. Новый льняной холст, примерно такой, каким любил пользоваться Рембрандт — не слишком мелкого, но и не грубого плетения,—был пропитан осетровым клеем и соединен с тыльной стороной картины. Творение Рембрандта было спасено. Оно снова вернулось к людям. Зрители, подолгу останавливаясь перед ним, не знают об этой кропотливой, многомесячной работе, о наших тревогах и сомнениях. Они видят великое произведение живописи. И мы хотим надеяться, что его жизнь будет долговечной.

В музее хранится значительная коллекция итальянской живописи XVII века. Реалистические и романтические направления того времени в отличие от придворных, официальных были оценены только в середине XX столетия. Надо отдать должное вкусу и прозорливости русских коллекционеров, которые вопреки установившимся привычкам поняли и полюбили это искусство. Особый интерес в этом разделе представляют работы последователей Караваджо.

Подлинные шедевры встретят вас в соседнем зале, зале французских мастеров XVII столетия: полотна Валантена, Пуссена, К. Лоррена.

Картина Никола Пуссена «Ринальдо и Армида» написана на сюжет одной из песен поэмы Торквато Тассо. Волшебница Армида, желая отвлечь от подвигов рыцаря-крестоносца Ринальдо, усыпляет и увозит его в свои сказочные сады, а затем неожиданно влюбляется в него. Этот мотив художник трактует по-своему: благородство и красота побеждают коварные замыслы. Увлечение эпохой Возрождения соседствовало у замечательного живописца с преклонением перед античностью. Эти два великих периода в истории искусства стали образцом для французского классицизма, главой и создателем которого был Пуссен.

Знакомясь с фламандским искусством, вы попадаете во власть его ведущих художников — Рубенса, прославляющего радость бытия, чувственную красоту человека и природы, тонких, изысканных портретов Ван Дейка, картин Иорданса, острых, выразительных произведений мастера крестьянского жанра Брауэра, натюрмортов Снейдерса.

Испания XVII века в нашем собрании — это почти все значительные имена испанской живописи эпохи ее расцвета, за исключением Веласкеса. О его творчестве можно судить лишь по повторению «Портрета графа Оливареса», которое сделал один из учеников художника. Картины Риберы, Сурбарана, Мурильо и Переды дают достаточно полное и верное представление об особенностях испанского реализма, о его близости к натуре, суровой сдержанности образов.

XVIII век встречает вас во французском зале изысканными и в то же время остроироническими работами Ватто, картинами Буше, в которых воплотился дух эпохи рококо, произведениями Шардена, Греза, Фрагонара.

Фрагонар успешно работал в жанрах пейзажа, портрета, в мифологической тематике, но наиболее интересны у него сценки реальной жизни. Сохраняя отчасти условность приемов рококо, он создает произведения, насыщенные живым, непосредственным чувством и подлинным интересом к повседневному быту простых людей. Его «Шарманщица»— явный тому пример.

Жак Луи Давид, художник Французской революции, представлен в музее произведениями, написанными в XVIII веке. «Автопортрет» принадлежит к немногим из его произведений, имеющимся в советских собраниях. И хотя в этой сравнительно ранней работе Давид близок живописным традициям XVIII века, в своем понимании личности он целиком принадлежит новому времени. Для него высшая мера человека — в соединении естественности, независимости, возвышающего достоинства. Еще сильнее в этом плане более поздний «Портрет молодого человека», который, возможно, изображает юного Энгра.

Не менее представительно, чем французская школа, собрана в картинной галерее итальянская живопись XVIII века.

Достижения венецианских мастеров были в то время наиболее значительны. В нашей экспозиции три картины блистательного Тьеполо, два великолепных пейзажа Гварди, тонких, поэтичных, пронизанных светом и воздухом, напоенных дыханием венецианской лагуны, принадлежащие к числу лучших из всего, что было написано художником. Здесь же и архитектурные пейзажи Каналетто и Беллотто.

Картин английских мастеров в музее немного, как, впрочем, и в других странах вне Англии. Тем не менее мы можем достаточно интересно показать портрет — искусство, которым славилась эта страна. Большой популярностью у зрителей пользуются работы Лоуренса: портреты Салли Сиддонс, дочери знаменитой трагической актрисы Сары Сиддонс, и графини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, ум и красота которой восхищали Пушкина.

Замечательные пейзажи Констебля явились подлинным переворотом в пейзажной живописи. Этюд «Вид на Хайгет с Хемпстедских холмов» — единственная в Советском Союзе работа этого выдающегося художника.

XIX столетие — это многие первоклассные произведения живописи, и прежде всего французской школы. В собрании музея имеются Делакруа, Жерико, барбизонцы, многочисленные полотна Коро, две небольшие картины Милле — «Стога» и «Собирательницы хвороста».

Мировой известностью пользуется наша коллекция импрессионистов и постимпрессионистов. Творчество каждого из этих мастеров представлено работами самого высокого качества. Широко, щедро показан Клод Моне, начиная с его ранней композиции «Завтрак на траве». Все пять картин Ренуара из нашего музея могут быть смело причислены к лучшим творениям художника. Взгляните на «Девушек в черном». Словно мельком увидел их живописец, оставив на холсте лишь впечатление от скорой, неожиданной встречи, и перед нами словно новелла о парижанках. Пейзажи Писсарро и Сислея, вариации на темы скачек и балета Дега создают достаточно полное представление об исканиях этих художников.

Ряд полотен Сезанна, имеющихся в музее, принадлежит к наиболее ценному из того, что было создано этим мастером. В пейзаже «Берега Марны», натюрморте «Персики и груши», композиции «Пьеро и Арлекин» он достигает того композиционного и цветового единства, к которым стремился всю жизнь. Пять полотен Ван Гога вводят зрителя в драматический мир этого замечательного художника. Что касается Гогена, то не будет преувеличением сказать, что собрание его картин в нашем музее и по количеству и особенно по своему качеству должно быть оценено как лучшее в мире.

Все остальные школы европейского искусства XIX века, уступая этому разделу по количеству и ценности экспонатов, все же достаточно выразительно показывают художественные направления европейского искусства вне Франции, развитие демократических и реалистических тенденций, свойственных этому столетию. Реалистические картины Ментцеля, жанровые композиции Либермана, работы голландца Израэльса, венгра Мункачи, шведа Цорна перекликаются с картинами русских передвижников. Картины европейских художников-реалистов, демократов любили в России, их приобретал С. М. Третьяков, брат П. М. Третьякова. Из собрания Третьяковской галереи они и поступили в музей изобразительных искусств.

Первые два десятилетия нынешнего века — это полотна Пикассо «голубого» и «розового» периодов, семнадцать едва ли не лучших в мире полотен Матисса, картины Вламинка, Дерена, Боннара, А. Руссо, пейзажи Марке и Утрилло, принадлежащие к высшим достижениям этого жанра в искусстве Франции начала века.

Раньше на этом практически обрывалось знакомство с живописью XX столетия. Новая экспозиция раздвинула границы музейного показа вплоть до сегодняшнего дня. Теперь мы имеем возможность знакомить зрителей с произведениями прогрессивных современных живописцев и скульпторов, таких, как Ренато Гуттузо, Рокуэлл Кент, Диего Ривера, Антон Рефрежье, Фриц Кремер, Джакомо Манцу, Берт Хеллер, Корнелиу Баба, Ксаверий Дуниковский...

Последовательная политика мира, проводимая Советским государством, в результате которой произошло общее потепление климата в международных отношениях, самым благоприятным образом сказалась на развитии дружеских связей между музеями разных стран, на расширении контактов с зарубежными художниками, на организации обмена выставками. Только за последние годы у нас в музее экспонировались шедевры Лувра и Дрездена, сокровища гробницы Тутанхамона и творения французских импрессионистов, выставки чешского средневекового искусства и современной венгерской скульптуры. Нет сомнения, что непосредственное знакомство с таким шедевром, как Джоконда,— знаменательное событие для самого широкого круга зрителей. Вскоре нас ожидает открытие выставки Микеланджело и сокровищ нью-йоркского музея Метрополитен. С каждым годом крепнут эти связи и расширяется обмен культурными ценностями.

В каждой коллекции памятники разных времен и стран определяют лицо музея. Молчаливые свидетели прошлого и соучастники наших дней, шедевры мирового искусства живут сегодня новой жизнью, которую даем им мы, наши чувства и мысли. Это чудо происходит каждый день. Это чудо и есть музей.

ALTER EGO

Александр МЕЖИРОВ

В 1944 году я начал писать поэму «Alter ego», вступление к которой «Человек живет на белом свете» было опубликовано в журнале «Знамя». Во вступлении «другой я» (alter ego) — лицо не конкретное, а общее.

В последующие годы были написаны главы этой поэмы, в которых общее дробится и постепенно возникают разные конкретные типы и «другой я» каждого из них в разных конкретных условиях времени и места действия.



Человек живет на белом свете.
Где — не знаю. Суть совсем не в том.
Я — лежу в пристрелянном кювете,
Он — с мороза входит в теплый дом.

Человек живет на белом свете,
Он — в квартиру поднялся уже.
Я — лежу в пристрелянном кювете
На перебомбленном рубеже.

Человек живет на белом свете.
Он — в квартире зажигает свет.
Я — лежу в пристрелянном кювете,
Я — вмерзаю в ледяной кювет.

Снег не тает. Губы, щеки, веки
Он засыпал. И велит дрожать...
С думой о далеком человеке
Легче до атаки мне лежать.

А потом подняться, разогнуться,
От кювета тело оторвать,
На ледовом поле не споткнуться
И пойти в атаку —
Воевать.

Я лежу в пристрелянном кювете.
Снег седой щетиной на скуле.
Где-то человек живет на свете —
На моей красавице земле!

Знаю, знаю — распрямлюсь, да встану,
Да чрез гробовую полосу
К вражьему ощеренному стану
Смертную прохладу понесу.

Я лежу в пристрелянном кювете,
Я к земле сквозь тусклый лед приник...
Человек живет на белом свете —
Мой далекий отсвет! Мой двойник!

I

Ну, а дальше что? Молчанье. Тайна.
Медсестра лениво прячет шприц.
Четверо солдат — не капитаны,
И комбат — Протасов, а не принц.

И не Эльсинор, а край передний,
Мокрый лог, не рай, а сущий ад.
Знал комбат, что делает последний,
Как в газетах пишется, доклад.

Волокли его на волокуше,
Навалили ватники — озноб.
Говорит. А голос глуше, глуше,
До глубин души — и глубже, в души,
Как в газетах пишут — до основ.

Молвит, умирая: или — или;
Долг — стоять, но право — отойти.
Егерей эсэсовцы сменили,
А у нас резерва нет почти.

Слева полк эсэсовский, а справа...
Не договорил...
Навечно смолк...
Есть у человека долг и право...
Долг и право... долг и право... Долг...

II

Над Десной опять лоза, лоза.
Над Телячьим островом гроза.
Облака теснятся над Десной.
Родина! Опять в мои глаза
Ты глядишься древней новизной.

Над Невой туман — опять, опять
Город спит. Мосты разведены.
Но лежит на городе печать
Той же самой древней новизны.

Снова будут грозы, будет снег,
Снова будут слезы, будет смех.
Всюду — от Десны и до Десны,
Вечно — от весны и до весны.

Дни идут, дождем и льдом звеня.
Гомоня гудками над страной.
Поезд, уходящий без меня,
Отойдет когда-нибудь со мной.

Сколько на земле земных дорог,
Сколько на земле земных путей,
Столько на земле земных тревог,
Столько на земле земных страстей!

Вечный пастырь бесконечных стад
Пояснит у смертного одра:
Если люди на земле грустят —
Это потому, что жизнь щедра.

Но когда снарядом над тобой
Разнесет накаты блиндажа,
Ты увидишь купол голубой
И умрешь, тем блеском дорожа.

Снова будут грозы, будет снег.
Снова будут слезы, будет смех.
Всюду — от Десны и до Десны,
Вечно — от весны и до весны.

III

Трубной медью
в городском саду
В сорок приснопамятном году
Оглушен солдатик.
Самоволка.
Драпанул из госпиталя.
Волга
Прибережным парком привлекла.
Там, из тьмы, надвинувшейся тихо,
Танцплощадку вырвала шутиха.
Поступь вальс-бостона тяжела.

Был солдат под Тулой в руку ранен.
А теперь он чей?
Теперь он Анин —
Анна завладела им сполна,
Без вести пропавшего жена.

Бледная она.
Черноволоса.
И солдата раза в полтора
Старше.
(Может, старшая сестра,
Может, мать.
И в этом суть вопроса,
Потому что Анна нестара).

Пыльные в Заречье палисады,
Выщерблены лавки у ворот,
И соседки опускают взгляды,
Чтоб не видеть, как солдат идет.

Скудным светом высветлив светелку,
Понимает Анна, что опять
Этот мальчик явится без толку,
Чтобы озираться и молчать,

Он идет походкой оробелой,
Осторожно, ненаверняка,
Навесу, на перевязи белой
Раненая детская рука.

В материнской грусти сокровенной,
У грехопаденья на краю,
Над его судьбой — судьбой военной —
Клонит Анна голову свою.

Кем они приходятся друг другу,
Чуждых две и родственных души?
Ночь по обозначенному кругу
Ходиками тикает в тиши.

И над Волгой медленной, осенней,
Погруженной в медленный туман,
Длится этот — без прикосновений —
Умопомрачительный роман.

IV

Покидаю Невскую Дубровку,
Кое-как плетусь по рубежу —
Отхожу на переформировку
И остатки взвода увожу.

Армия моя не уцелела,
Не осталось близких у меня
От артиллерийского обстрела,
От косоприцельного огня.

Перейдем по Охтенскому мосту
И на Охте станем на постой —
Отдирать окопную коросту,
Женскою пленяться красотой.

Охта Деревянная разбита,
Растащили Охту на дрова.
Только жизнь, она сильнее быта;
Быта нет, а жизнь еще жива.

Богачов со мной из медсанбата,
Мы в глаза друг другу не глядим —
Слишком борода его щербата,
Слишком взгляд угрюм и нелюдим.

Слишком на лице его усталом
Борозды о многом говорят.
Спиртом неразбавленным и салом
Богачов запасливый богат.

Мы на Верхней Охте квартируем.
Две сестры хозяйствуют в дому,
Самым первым в жизни поцелуем
Памятные сердцу моему.

Помню, помню календарь настольный,
Старый календарь перекидной,
Записи на нем и почерк школьный,
Прежде — школьный, а потом — иной.

Прежде — буквы детские, смешные,
Именины и каникул дни.
Ну, а после — записи иные.
Иначе написаны они.

Помню, помню, как мало-помалу
Голос горя нарастал и креп:
«Умер папа». «Схоронили маму».
«Потеряли карточки на хлеб».

Знак вопроса — исступленно дерзкий.
Росчерк — бесшабашно-удалой.
А потом — рисунок полудетский:
Сердце, пораженное стрелой.

Очерк сердца зыбок и неловок,
А стрела перната и мила —
Даты первых переформировок,
Первых постояльцев имена.

Друг на друга буквы повалились,
Сгрудились недвижно и мертво:
«Поселились. Пили. Веселились».
Вот и все. И больше ничего.

Здесь и я с друзьями в соучастье —
Наспех фотографии даря,
Переформированные части
Прямо в бой идут с календаря.

Дождь на стеклах искажает лица
Двух сестер, сидящих у окна;
Переформировка длится, длится,
Никогда не кончится она.

Наступаю, отхожу и рушу
Все, что было сделано не так.
Переформировываю душу
Для грядущих маршей и атак.

Вижу вновь, как, в час прощаясь
ранний,
Ничего на память не берем.
Умираю от воспоминаний
Над перекидным календарем.

V

Сорок пятый год
перевалил
Через середину,
и все лето
Над Большой Калужской ливень лил,
Гулко погромыхивало где-то.

Страхами надуманными сплошь
Понапрасну сам себя не мучай.
Что, солдат, очухался? Живешь?
Как живешь?
Да так. На всякий случай.

И на всякий случай подошел
К дому на Калужской.
— Здравствуй, Шура! —
Там упала на чертежный стол
Голубая тень от абажура.

Калька туго скатана в рулон.
Вот и все.
Диплом закончен.
Баста!..
Шура наклонилась над столом,
Чуть раскоса и слегка скуласта.

Шура, Шура!
Как ты хороша!
Как томится жизнью непочатой
Молодая душная душа —
Как исходит ливнем сорок пятый.

О, покамест дождь не перестал,
Ров смертельный между нами вырой.
Воплощая женский идеал,
Добивайся, вей, импровизируй.

Ливень льет.
Мы вышли на балкон.
Вымокли до нитки и уснули.
Юные. В неведенье благом.
В сорок пятом... Господи... В июле.

И все лето длится этот сон,
Этот сон, не отягченный снами.
Грозовое небо
Колесом
Поворачивается
Над нами.

Молния, как спицы в колесе,
Пар клубится по наружным стенам.
Черное Калужское шоссе
Раскрутилось посвистом ременным.

Даже только тем, что ты спала
На балконе в это лето зноя,
Наша жизнь оправдана сполна
И существование земное.

Ливень лил все лето.
Надо мной
Шевелился прах грозы летучей.
А война закончилась весной,—
Я остался жить на всякий случай.

VI

Отстраняю прочь орудья пытки.
Заикаюсь. Господи, прости...
Делаю последние попытки
Душу помраченную спасти.

Уезжаю на разъезд пустынный,
Ревностью насытившись сполна.
И голубоватый снег простынный
Стелет прямо под ноги луна.

А она в глухом полуподвале
Вспоминает, рухнув на кровать,
Как ее в рассрочку предавали,
Прежде чем невестою назвать.

А потом во тьме кромешно-голой
Головой гнетет мое плечо
И ночами гибелью бесполой
Дышит мне на щеку горячо.

VII

Множество затейливых игрушек:
Буратин, матрешек и петрушек,—
Не жалея времени и сил,
Мастер легкомысленный придумал,
Души в плоть бунтующую вдунул,
Каждому характер смастерил.

Дергает за ниточку — и сразу
Буратины произносят фразу,
А матрешки пляшут и поют,
Сверхурочно вкалывают, ленятся,
Жрут антабус, друг на дружке женятся
Или же разводятся и пьют.

Мастер! Ты о будущем подумай!
Что тебе труды твои сулят?!
У одной игрушки взгляд угрюмый,
А другая опускает взгляд.

На тебя они влияют плохо,
Выщербили пошлостью твой нож.
Ты когда-то был похож на Блока,
А теперь на Бальмонта похож.

Пахнет миндалем, изменой, драмой;
Главный Буратино — еретик,
Даже у игрушки самой-самой
Дергается веко — нервный тик.

На ручонках у нее экземой
Проступает жизни суета.
Драмой пахнет, миндалем, изменой,
Приближеньем страшного суда.

Выглядит игрушка эта дико,
Так и тараторит во всю прыть.
Тщетно уповает Афродита
Мастера в продукцию влюбить.

Поклонился бы земным поклоном
И, ножа сжимая рукоять,
Стал бы он самим Пигмалионом —
На колени не перед кем стать.

VIII

Мне бы жить
немножечко пониже,
Но мансарды в нонешнем Париже
Высоко — одышку наживешь.
А в моей — вчерашний дым клубится,
И холсты какого-то кубиста
Бурно обсуждает молодежь.

В блюдечке окурок.
Дым тяжелый,
Старый дым.
Эпоха пепси-колы
Отменила джюс и оранжад.
Нету больше ни семьи, ни школы —
Стоило ли почву орошать?

Лень
приборку делать, постирушку,
Разную и всякую нуду.
Заведу смышленую игрушку,
Ключиком игрушку заведу.

Жизнь чужую истово корежа,
Позвоню
(своя не дорога):
— Поднимайся, заспанная рожа,
Едем в ресторан и на бега.
В этой самой разлюли-малине,
От тоски чуть-чуть навеселе,
Познакомлю я тебя с Феллини,
Вознесенским, Сартром и Пеле.

И, не сознавая, что калечу,
Пагубным инстинктам угожу,—
Важные контакты обеспечу,
Главные каналы укажу.

Временно убью в тебе торговлю —
Сущность постоянную твою,
Поселю под собственную кровлю,
Книгами твой разум разовью.

Бегать по редакциям заставлю
Мимо Муленруж и Нотр-Дам,
Лепет малограмотный исправлю,
Книжечку составлю и издам.

Тошно Сартру, ставленнику бога,
Наглотавшись джина и «Камю»,
После пира, то бишь диалога,
Возвращаться в милую семью.

Колотье какое-то в кумире,
Мается мыслитель и пророк.
Чтобы мир царил в семье и в мире,
Одолжу тебя на вечерок.

Чтобы не страдал французский гений,
Будешь ты использован пока,
Как амортизатор возвращений
В милую семью из кабака.

В «кадиллаке» сможешь прокатиться,
На ходу вкушая от щедрот,—
Вообще знакомство пригодится
И себя окажет в свой черед.

Ну, а если Сартра для острастки
За Мао Цзэ-дуна поведут
И продержат до утра в участке,—
Ты сумеешь выгадать и тут.

Позвоню на виллу Сименону,
Сименон ажанам позвонит —
Тары-бары — и тебя без шмону
Выпустят в объятья Аонид.

В департамент не пойдет телега,
Ну, а если даже и пойдет, —
Для другого я, для alter ego,
Целесообразный поворот.

Даже и телега не расплата,
Если воплощаются мечты —
В протоколе комиссариата
Вслед за Сартром напечатан ты.

Ты исполнил миссию святую
По благоустройству бытия:
Вслед за Сартром, через запятую,
Значится фамилия твоя.

На одной руке уже имея
Два разэкзотических кольца,
Ты
уже
идешь,
уже наглея,
Но пока
еще не до конца.

В пику монпарнасским летописцам
Ты живешь, осуществляя план
Рыночным, холодным любопытством
К людям, книгам, сплетням и делам.

Кроме любопытства ледяного,
Ничего иного своего,
Впрочем, это для тебя не ново —
Знаешь сам, что нету ничего.

Ощущаешь сам — и это чувство
Вожделенью лютому назло
Долю вносит в околоискусство
И в неподалекуремесло.

И непереваренного Ницше
В животе приталенном неся,
Ты идешь все выше, то есть ниже,
Ибо можно все, чего нельзя.

Преисполнен гонора и спеси
Человеком не был,
сразу сверх —
человеком стал в эпоху Пепси,
Энциклопедистов опроверг.

Ты идешь, способный на любое,
Только пользой чутко дорожа,
В шляпе настоящего ковбоя,
Выхваченной из-за рубежа.

В разлюли-малине распроклятой,
На Монмартре нашем дорогом,
Будешь ты клиент и завсегдатай,
Ежели не будешь дураком.

Ты сперва за все меня за это
Будешь очень сильно уважать.
А потом за все меня за это
Будешь от души уничтожать.

Нажимай, снимай поглубже стружку
Со спины того, кто превратил
В жалкую игрушку-побегушку
Твой холодный, олимпийский пыл.

Не жалей, выслеживай, аукай —
Сдвоенными в челюсть и под дых.
Ты рожден тоской моей и скукой,
Отпрыск прародителей седых.

Я построил дом, но не из бревен,
А из карт, крапленных поперек,—
Потому и пред тобой виновен,—
Превратил в игрушку, не сберег.

Ну, а ты действительно услышал
Крик души веселой и больной,
И на миг тоску мою утишил,
Сделался игрушкой заводной.

И за эту страшную работу
Подчистую, господи прости,
Расплатиться я готов по счету
И черту итога провести.

Расписаться под чертой итога
И, передохнув совсем немного,
Новую
игрушку
завести.
Новую
игрушку
заводную
После передыха завести,—
Чтоб за водкой бегала в пивную
И цветы носила травести.

Пепси-кола не заменит водку,
Потому что водка не вода.
Лень
в мансарде заменить проводку
Скоро загорятся провода.

IX

Высоко в горах Герцеговины
Мелочь принимается в расчет,—
Если утопить стекло кабины,
Грейдерную пылью занесет.

Правая выхватывает фара
Возле груды пьюков [1] и лопат
Знак дорожный горного обвала,
Чтоб не угодить под камнепад.

Повороты вывихнуты круто,
Жизнь копейкой пляшет на кону,
Скалы неподвластны стали Круппа,
Люди неподсудны никому.

Но вглядись внимательней и зорче
В родовые каменные корчи,
В эти схватки гнева и любви,—
Высоко в горах Герцеговины,
Где по склонам катятся лавины,
Чуждого пришельца улови.

Он храпит в пещере перевала,
Никогда его не волновало,
Что о нем в народе говорят.

[1] Пьюки — кирки.

Высоко забрался этот шустрый
Немудреный отпрыск Заратустры,
Может, серб, а может, и хорват.

Что они умеют, эти руки,
И какому служат ремеслу,—
Опрокинуть в пыльной Баня-Луке
Мусорную урну на углу.

Одобряю. Стоящее дело...
Мчалось время голову сломя,—
И за ним чуть-чуть не доглядела
Связанная с временем семья.

Действует звереныш этот умный,—
Но не вопреки и не назло:
Видно, было время ставить урны,
Время опрокидывать пришло.

В Баня-Луке битники босые,
Люты, худощавы и смуглы,
Не как в Штатах и не как в России,
А совсем особые — свои.

Битники не выражены словом
И не истолкованы пока.
В Баня-Луке, в городе торговом,
Улица прямая широка.

Есть мечети. Но молиться негде.
Отвернулся от страны аллах.
В Баня-Луке, на прямом проспекте,
Битники дежурят на углах.

На проспекте битники дежурят,
Брови хмурят, чуингвам жуют,
Сигареты «Филипп Морис» курят,
Фуги Баха про себя поют.

Ночь светла. Погода неплохая.
Засвистит вожак — и там и тут,
Вдоль всего проспекта громыхая,
Мусорные урны упадут.

А когда вконец надоедает
У свободы в рабстве пребывать,
Баня-Луку битник покидает,
Чтоб свободным сделаться опять.

Там багрец и охра в листьях палых,
Там рабами Рима в облаках
Выбит путь на выщербленных скалах
И не реставрирован никак.

Там, в пещере мертвого пророка,
Подложив под голову гранит,
В забытьи железном, одиноко
Отпрыск Заратустры возлежит.

Он храпит, худой, длинноволосый,
Бородой обросший, трезвый в дым,
И на эпохальные вопросы
Отвечает храпом молодым.



X

Жарь, гитара,
жарь, гитара,
жарко!
Барабанных перепонок жалко,
Чтобы не полопались оне,
Открываю рот,
как на войне
При бомбежке или артобстреле,
Не могу понять, по чьей вине
Музыканты эти озверели.

Ярко свет неоновый горит,
И о чем-то через стол кричит
Кто-то,
но не слышу, оглушенный,
И его не вижу самого —
Яростно, как в операционной,
Бьют
со всех сторон
в глаза
плафоны,
Не жалеют зренья моего.
Голос «новоявленного» класса
В обществе бесклассовом возник —
Электрогитара экстра-класса,
Вопль ее воистину велик.

Молча пей. И на судьбу не сетуй
В ресторане подмосковном «Сетунь».
Пей до дна, и наливай опять,
И не вздумай веки разлеплять.

Только вдруг негаданно-нежданно
В ресторанном зале
слишком рано,
До закрытья минимум за час,
Смолкла оглушительная ария
Электрогитары экстра-класс,
На электростанции авария —
В ресторане «Сетунь» свет погас.

Свет погас — какая благодать
Еле слышно через стол шептать.

В темноте
посередине зала
Три свечи буфетчица зажгла,
И гитара тихо зазвучала
Из неосвещенного угла.

Свет погас — какая благодать
Чувствовать,
что свет глаза не режет
И струна не исторгает скрежет,
А звучит, как надобно звучать,
Не фальшивит ни единой нотой,
Свет погас — какое волшебство!
На электростанции
Чего-то,
что-то,
почему-то
не того...

Неужели все-таки поломка
Будет наконец устранена,
И опять невыносимо громко
Заскрежещет электроструна?!

Господи! Продли минуты эти,
Не отринь от чада благодать,
Разреши ему при малом свете
Образ и подобье осознать,

Низойди и волею наитья
На цивилизованной Руси
В ресторане «Сетунь» до закрытья
Три свечных огарка не гаси.

XI

Предо мной — закрытый поворот.
Знаю, не возьмешь его на бога.
Поворот закрытый —
это тот,
За которым не видна дорога.

Сбавил скорость.
Торможу.
Гужу.
Сам себе твержу: смотри не мешкай,
Этот поворот не мечен вешкой —
Он ведет к иному рубежу.

Поворот закрытый — не прямая.
Но рассудку трезвому назло
Полный газ внезапно выжимаю,
Чтобы зад машины занесло.

Где уж там аварий опасаться,
Если в жизни все наоборот,
Мне бы только в поворот вписаться,
В поворот, в закрытый поворот.

ЭПИЛОГ

В отрезке от шести и до восьми
На этажах будильники звонили:
В подъездах люди хлопали дверьми,
На службу шли. А мертвый спал в могиле.

Мне вспоминалась песенка о том,
Как человек живет на белом свете,
Как он с мороза входит в теплый дом,
А я лежу в пристрелянном кювете.

Воспоминанье двигалось, виясь
Во тьме кромешной и при свете белом,
Между Войной и Миром — грубо,
в целом —
Духовную налаживая связь.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю. К. СМОЛИЧА



ЭПОХОЙ ПРИЗВАННЫЙ

История рассудила так, что формирование украинской советской литературы легло на плечи молодых. В великие дни Октября лицом к лицу с огромной, сложной революционной действительностью закалялся талант П. Тычины и В. Сосюры, М. Бажана и П. Панча, И. Микитенко и А. Головко, Ю. Яновского и А. Довженко — тех, кого сегодня, десятилетия спустя, по праву именуют «классиками». Именно революция приобщила их всех к красоте, вдохновила на творчество.

Среди них был и Юрий Корнеевич Смолич, чье живое, яркое слово вот уже пятьдесят лет самобытно звучит в нашей литературе.

В 1926—1927 годах у него выходят сразу три книги, намечающие основные пути творческих исканий молодого писателя. Роман «Последний Эйджевуд» — заявка на научную фантастику и «красный детектив», как тогда говорили. «Полтора человека» живо свидетельствовали о сатирическом даре Смолича. А многие рассказы из сборника «Воскресенья и понедельники» приближаются к психологическим этюдам.

Первые два пути стали магистральными для прозаика в начале 30-х годов. Вклад Ю. Смолича в развитие украинской советской сатиры и фантастики бесспорен, он стал одним из первооткрывателей этих родов литературного творчества в республике. Но главные победы ожидали писателя на поприще реалистического романа и повести.

Автобиографическая трилогия — «Детство», «Наши тайны», «Восемнадцатилетние», — созданная в тридцатые годы, продолжает оставаться одним из самых заметных явлений украинской советской прозы. «Автобиографические книги пишутся не о себе, — заметил как-то Ю. Смолич. — Они пишутся о времени. Они раскрывают эпоху, описывают широкий круг людей этой эпохи, современников автора».

В датированном 1940 годом «Театре неизвестного актера» очень интересно (как, впрочем, и все у Ю. Смолича — мастера захватывающего сюжета и напряженного действия) повествовалось о театре времен гражданской войны. Когда заканчивалась новая военная гроза, Ю. Смолич пишет роман «Они не прошли» — о борьбе украинских подпольщиков против фашистских оккупантов. Роман завершался символической сценой наступления утра: запели петухи, разлетелись нечистые силы, кругом посветлело. «Доброе утро»,— говорил автор героям и читателям, пережившим страшное время оккупации.

Писателю всегда было свойственно мышление широкими историческими категориями и крупными масштабами. В полной мере эта важнейшая сторона его дарования раскрылась в цикле историко-революционных романов «Рассвет над морем», «Мир хижинам, война дворцам», «Ревет и стонет Днепр широкий»— работе над ним было отдано свыше десяти лет напряженнейшего писательского труда.

Поражаешься упорству, настойчивости, энергии, с которыми писатель изучал исторический материал, факты и события. И все это систематизировано, обдумано, взвешено — поистине гигантский труд. Зато и книги Ю. Смолича стали ценнейшим историческим источником, мимо них не пройти, если хочешь понять революцию на Украине, погрузиться в атмосферу тех лет.

Ю. Смолич — всегда в поиске, в движении. Полно глубокого смысла, что его последние книги — воспоминания о литературных встречах молодости — названы «Рассказ о непокое» и «Рассказ о непокое продолжается».

Герою Социалистического Труда Юрию Корнеевичу Смоличу исполняется семьдесят пять, но непокой продолжается.

В. ПИСКУНОВ

Юрий БОНДАРЕВ

БЕРЕГ

РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

ГЛАВА ПЯТАЯ

Они вышли из убыстренного круговорота танцующих и подошли к своему столику; Дицман и Лота Титтель еще танцевали; Самсонов, скрестив на груди руки, сидел в одиночестве.

— Не показали вы ни твиста, ни свиста, ни шейка, ни бебейка... как это там по-современному называется,— сказал он.— Скромничали, не по моде скромничали...

— Господин Никитин, налейте, пожалуйста, мне вина,— попросила госпожа Герберт, торопливо доставая сигарету из пачки, а когда Никитин налил ей вина и она, словно утоляя жажду, отпила несколько глотков, ему явственно послышалось: зубы ее позванивали о край стекла. И Никитин опять спросил:

— Вы нездоровы, госпожа Герберт?

— Здесь в подвале как-то душно и сыро,— сказала она вскользь и, прикуривая, извинительно посмотрела на него поверх желтых венчиков свечей.— Простите, господин Никитин, это бывает со мной... Я устала немного. Этот джаз, шум, теснота... Господин Алекс был прав: да, да, клоунада...

— Одуреть можно,— подтвердил Самсонов.— С ума сойти... Вакханалия двадцатого века. Для этого веселья нужны крепкие нервы и кашу овсяную надобно есть.

Она беззвучными глотками допила вино, и Никитин снова подлил ей, замечая и дрожь ее зубов и одновременно этот ее взгляд, пытающийся стесненно извиниться перед ним, но в странном, направленном ему в лицо внимании боролись улыбка и нерешительное желание сказать что-то,— вероятно, присутствие Самсонова мешало ей сейчас.

— Я хотела бы, господин Никитин...

«Эмма, прежняя Эмма, глаза остались те же, все в глазах»,— подумал Никитин, и нечто еще, тихое, мягкое, беззащитное, проступавшее в ее синеющем взгляде и особенно в голосе, совсем уже слабое, женское, внезапно тронуло его смутной нежностью к этой немолодой Эмме, в которой непонятно почему сохранилось, еще жило, не обманывало его прежнее, давнее, узнанное. И тут же он подумал, что ничего похожего в реальности не может быть, что все это — и доверчиво-беспомощное выражение ее лица и излучение робкой вины — лишь результат воображения, всколыхнутого воспоминаниями его военной молодости: ведь внешне она изменилась так, что он первый не узнал ее... «Что такое? Я настроился на определенную волну? Нет сил сбросить наваждение прошлого?»

— Я хотела бы... извиниться перед господином Самсоновым,— продолжала госпожа Герберт виноватым голосом.— Мне необходимо быть дома через полчаса... Но я могла бы вас обоих подвезти на машине до отеля, если вы устали. Думаю, что господин Дицман и госпожа Титтель будут здесь веселиться долго. Они любят этот кабачок Алекса... Можно уйти по-английски,— прибавила она.— Не прощаясь. Это входит у нас в моду.

— Госпожа Герберт! Я ваш союзник! — не в меру вожделенно поддержал ее Самсонов.— Больше всего на свете мечтаю добраться до отеля, подняться на лифте, открыть дверь номера и нырнуть в постель...

— Конечно, конечно,— задумчиво сказал Никитин, почти догадываясь, почему заспешила она, и поглядел на толпу танцующих.— Но так или иначе надо проститься.

Вновь заторопился ритм несмолкавшей музыки, вновь взорвался в убыстренной неистовости ритм танца — озаренные свечами пары соединялись, отталкивались, расходились, сходились, как бы разговаривали извивами ног, движениями тел,— мелькали потные молодые лица, мотающиеся волосы, изогнутые шеи, снующие локти, тряслись, вихляли обтянутые джинсами бедра, хлестали по коленям юбочки,— и Никитин, наконец, нашел в хаосе тел тоненькую, по-змеиному всю гибкую фигурку Лоты Титтель — она, выделяясь этой тонкостью, рыжими волосами, быстрыми и легкими наклонами вызывала Дицмана на что-то, она смеялась, показывала на свою грудь, на свои плечи, а он с замкнутым, углубленным выражением, сверкая узконосыми ботинками, ударял каблуком о каблук и делал механически рубящие жесты ладонями, будто бежал на месте. И стремительно носился по зальчику, трагически-радостно вытаращив глаза, господин Алекс, хозяин кабачка, маленький, толстый, розовенький, комично кричал в громе музыки какие-то остроты и танцующим, и музыкантам, и тем, кто сидел за столиками, расплываясь в дыму белыми овалами лиц, и всюду громко хохотали при каждом появлении его, при каждой его выкрикнутой для всех остроте: вечер здесь был, как видно, в самом разгаре.

Никитин подождал, когда Дицман приблизил бег на месте к крайним столикам, подал ему символический знак, нарисовал в воздухе пальцами шаги, и тот в ответ изобразил бровями удивление, затем прекратил бег, сказал что-то покачивающей узкими плечами Лоте Титтель, взял ее под руку, и они немедля подошли. Лота Титтель, подымая и опуская дыханием грудь, не села, а плюхнулась на стул с возгласом: «Это отличная гимнастика!» — извлекла из сумочки зеркальце, уголком платочка обтерла под глазами, сказала возбужденно:

— Твист и шейк, господин Никитин, говорят сейчас,— профилактика от рака. Но вот что: если я заболею этой страшной болезнью, то поеду умирать к своим полякам!

— Не приведи бог, как говорится, но в этом страшном случае можно поехать и в Россию: представьте, у нас неплохие врачи,— сказал Самсонов тоном неполной серьезности и сейчас же скептически воззрился на запыхавшегося Дицмана.— Твист, надо полагать, еще рождает и прекрасные мысли о смысле человеческого существования? И вы, интеллектуал, так часто думаете ногами? Помогает?

— Хотите меня в чем-то упрекнуть? За что? Я нравственно упал? Убил непорочного младенца? Не слишком ли вы придирчивы ко мне, господин Самсонов? Я очень не хотел бы, чтобы вы относились ко мне предвзято.

«Черт его дери, непризнанного апостола эдакого,— неожиданно для себя внутренне вскипел Никитин и даже сцепил зубы от злости.— Что его надирает со своей ядовитостью лезть во все? Да зачем ему без конца засучивать рукава, как будто намерен отвергнуть и доказать все земные истины!» И Никитин проговорил, опережая готовый некстати начаться спор между ними:

— К большому сожалению, нам пора в гостиницу. Согласен с вами: в этом ресторанчике что-то есть интересное, господин Дицман. Благодарю вас за гостеприимство.

— Клоунада, господин Никитин, клоунада,— вставил по-русски Самсонов с едким нажимом.— Говори, говори... о, благочестивый отец...

— Прошу вас, господин Дицман, и вас, госпожа Титтель, не проявлять лишнего внимания и не провожать нас. Вы и так сделали для нас много,— весело договорил Никитин, пропустив мимо внимания вставку Самсонова.— Госпожа Герберт уже любезно согласилась нас подвезти. Вам нет смысла прерывать вечер... Я просто умоляю вас, господа! Без чопорных обязательств и официальности. Хорошо?

Он встал.

— Разумеется, мы еще повеселимся,— сказала Лота Титтель, веерообразно смыкая и размыкая мохнатые ресницы.— Но вот что я вам скажу, господин Никитин, чтоб вы знали насчет дискуссии,— в некоторых вещах вы здорово потрепали холку господину Дицману. И он в этом признался мне. В некоторых вещах. До свидания. Поцелуйте мне руку. В Польше целуют женщинам руки. Говорят, и у вас в России... В зажравшейся Германии это не всегда делают. Я послезавтра уезжаю в Кельн, но до отъезда хочу с вами еще увидеться.

— Благодарю вас, госпожа Титтель. Мне было приятно в вашем обществе.

Никитин поцеловал ей руку, невесомую, длинную, с перламутровыми пикообразными ноготками (она, задорно прикусив губу, уколола его ноготками), пожал руку Дицману, вскочившему почтительно, живая, подвижная улыбка его разгоряченного танцами лица выражала дружелюбие,— при этом он щелкнул каблуками и нашел нужным пошутить, как позволено шутить между давними знакомыми:

— И между тем, я полагаю, господин Никитин, что здесь, в кабачке господина Алекса, вы не решились познать до конца истину, как и на той улице с девочками...

— Я подумаю об этом,— тоже отшутился Никитин.— До утра подумаю. У меня есть время.

Подымаясь из-за стола следом за госпожой Герберт, Самсонов простился вежливо-сухим кивком человека, не допускающего фамильярностей, и, подчеркивая сдержанную вежливость, молча подал ей плащ, висевший на спинке стула, а когда они вышли из неумолчного грохота джаза, шума, криков, смеха, из теплого ритуального мерцания свечей в сыром подвальчике на плохо освещенную улицу, осенний воздух был промозгло влажен, ветер под тусклыми фонарями волочил по тротуару обрывки затоптанных листков, цветные фотографии обнаженных девиц в черных чулках и с вызывающе пышными грудями,— остатки реклам, занесенных сюда ночными сквозняками Сан-Паули.

— Признаться, я устала от шума и музыки у господина Алекса,— говорила госпожа Герберт Никитину; он сидел справа, вполоборота к ней и Самсонову, сопевшему в темноте на заднем сиденье.— Я была там первый раз, потому что люблю тихие рестораны, где можно отдохнуть от общего сумасшествия.

Шел первый час ночи, и после бессонного, сверкающего огнями Реепербана, уже несколько обезлюдевшего, уже реже чернеющего толпами перед неоновыми вывесками ноч-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—20, 22—26.



ных кабаре, перед барами, где уже давно взбивались на льду коктейли, стриптизами, где раздевались на сценах девицы, демонстрируя позы, варианты и вариации любви, заученно улыбаясь в полумрак накуренных залов, проступающих многоглазыми лицами; кинотеатрами, где крутились за пять марок ленты шведских фильмов все о том же, после буйно и неестественно веселящегося в этот поздний час Реепербана — огненной пустыни человеческой плоти, с охрипшими возле дверей зазывалами, с одинокими проститутками около афишных будок на углах,— центральные улицы Гамбурга, заставленные до утра машинами вдоль тротуаров, показались холодными, безжизненными, погруженными в темноту, несмотря на разлитый по тротуарам белый свет витрин закрытых магазинов, мимо которых, обнявшись, брели запоздалые парочки.

— Я немножко оглушена,— продолжала госпожа Герберт голосом мягкой вины, дозволенной приличием.— Я хотела, чтобы мы посидели в более тихом месте, где хотя бы слышно друг друга... Если вы не против, господа, я завезу вас в очень тихий домашний ресторанчик выпить по чашечке кофе. И прийти в себя от шума. Не против ли вы, господа?

«Странно,— подумал Никитин.— Она вроде бы схитрила, нашла предлог, чтобы уехать от слишком шумного господина Алекса. Ей не хочется домой, как мне не хочется в гостиницу. Странное ощущение — точно меня тянет, толкает что-то угадывать в ней...»

— Я еще способен пить кофе и, пожалуй, изучать ночную жизнь капиталистического Гамбурга, невзирая ни на что,— сказал Никитин и взглянул на Самсонова, нервно и широко зевающего в снятый берет.— Ты как, Платон? За?

— Пас-с,— выдохнул, оборвав зевок, Самсонов.— Никаких тихих ресторанов, хочу спать. Сыт ночной жизнью по горло. В отель, в отель. На сегодня нам хватит, благодарим вас.

Последняя фраза — «на сегодня нам хватит, благодарим вас» — несла в себе ответ за двоих, смысл спокойного благоразумия, утоленного любопытства, и она не возразила, не осмелясь настаивать, только рукой в перчатке потерла запотевшее стекло, по которому космачтыми кругами расплывались, скользили ночные огни затихших улиц, пробегали световой паутинкой по ее лицу. Никитин сказал:

— Мы сделаем так. По принципу не Самсонова, а соломонова решения. Завезем пресыщенного русского писателя в гостиницу, а сами поедем пить кофе в тихий ресторанчик. Я принимаю ваше предложение, госпожа Герберт.

— Мальчишество,— недовольно заговорил по-русски Самсонов.— Бессмыслица. Не понимаю твои разгульные замашки. Зачем? Остановись, в конце концов. Госпожа Герберт,— обратился он к ней по-немецки.— Прошу вас, как женщину, отменить ваше гостеприимное предложение, иначе завтра господин Никитин сляжет с сердечным приступом... Его запасы здоровья я знаю. Ему спать надо. Валидол и снотворное принимать, а не по кабачкам шататься.

Она поправила зеркальце, ловя в нем отражение Самсонова, и, опять не возразив ему, несмело сказала Никитину:

— Это займет у нас не больше часа. Но если вам нельзя, если господин Самсонов...

— Господин Самсонов — человек железной воли, степенный, аскетический, пророк строгого режима, кроме того, с младенчества терпеть не может кофе,— сказал Никитин.— Поэтому мы простимся с ним возле гостиницы, как бы это ни было морально тяжело.

Самсонов незамедлительно загудел русской скороговоркой:

— Пал ниц от твоей остроты, долго приходил в себя, вспоминая, на каком свете я нахожусь... Мое дело — напомнить ему, госпожа Герберт,— добавил он по-немецки.— Выводы делает он сам. С присущей ему опрометчивостью.

— Сделал. Обливаюсь слезами. Не заставляй меня захлебываться рыданиями. Мы приближаемся к гостинице. Ты не заснешь от сожалений при мысли о кофе.

— Один вывод я уже слышал сегодня,— притворно зевнул Самсонов, елозя затылком по спинке сиденья.— Как там? Человечество... ах, да, да... не знает всей правды. Я потрясен, госпожа Герберт, неизмеримой глубиной дан-

ного заявления моего коллеги. Я поумнел на десять лет. Не могу прийти в себя, потрясен, ошарашен этой философской формулой. А вы? Согласны вы с ним?

Она ответила тихо:

— Господин Никитин прав. Никто не знает...

— Ах, никто? А где же непреложные истины? Значит, до сих пор все человечество бродило и бродит в тумане? Слепцы? Ищут и не находят? Тыкаются носами в разные углы, как щенята?

— За исключением одного человека, Платоша,— сказал вполусерьез Никитин.— Но дискуссия окончена... Мы подъезжаем, дорогой оппонент. Гостиница закрыта. Швейцар спит. Позвони. Дай ему марку. Поблагодари. Тебе откроют. И даже подымут на лифте. Пока этой истины достаточно, чтобы добраться до уютного номера.

Они свернули с центральной улицы за угол и подъехали к отелю, благопристойно спящему, погасшему окнами на всех этажах, и в вестибюле за его стеклянными стенами были по-ночному потушены бра, слабо светил матовый плафон над стойкой с ящичками для ключей, и вестибюль без портье и в особенности безлюдные тротуары, темные машины у подъезда напомнили Никитину о позднем времени, об усталости, о том, что прошли еще короткие и бесконечные сутки его жизни. Но спать ему не хотелось, он не смог бы заснуть сейчас в номере, один в пуховом ковчеге постели, подчиняясь покойному, обыденному здравомыслию,— он знал это по прошлой ночи. Тишина и ожидание бессонницы в необжитом номере пугали его навязчивым беспокойством одиночества.

— Прошу об одном: вернешься — позвони,— забормотал мрачно Самсонов.— Ну, смотри, философ, смотри! Все кончается, и наступает похмелье. Прощайте, господа!..

Он натянул на взлохмаченные волосы берет, ожесточенно кряхтя, вытащил свое тяжелое тело из машины, вперевалку пошел к подъезду закрытого отеля; здесь немного постоял, нашарил кнопку звонка, и вскоре за стеклом двери появился силуэт разбуженного портье. Никитин сказал:

— Все в порядке. Можно ехать.

— Господи,— проговорила госпожа Герберт, сняв перчатки и роясь в сумочке.— Как хорошо, что вы приехали в Гамбург!.. Как я рада, что вы здесь, в Гамбурге. Не знаю, рады ли вы, но я рада... Хотите? Давайте две минуты посидим вот так и покурим.

Она вынула сигареты, он зажег спичку. Она прикурила и, прикуривая, благодарно поглядела сбоку размягченными, теплыми, как летняя озерная синева, глазами, и он снова увидел вблизи те, прежние, пропускающие до глубины глаза Эммы, сохранившие, мнилось, солнечный отблеск юности, радостное мгновение утра, что осталось в его памяти свежей и яркой зеленью лужайки перед домом, «студебеккерами» под соснами, росистым запахом яблонь, буйно цветущих в садах майского Кёнигсдорфа, старинным брусчатником площади вокруг кирхи, залитой утренним солнцем, солдатами, уютно покуривавшими на еще прохладных плитах... Странно, все и напоминали и выражали ее глаза, даже движение бровей, когда время от времени она чуть дольше, чем позволяло их настоящее положение, вглядывалась в него. Но еще страннее было то, что он чувствовал, как и что-то сдерживало и необоримо тянуло угадывать изменения ее лица, шевеление губ, произносящих обязательные и необязательные слова, будто тайно смотрел через светлую щелочку назад, в туман пространства и внутрь себя, томительно наслаждаясь грустным возвращением в некий счастливый, отмеченный жизнью срок, когда он и Княжко шли по тротуару мимо железной ограды под нависшей над головой сиренью.

— Вы бывали в Риме, господин Никитин?

— Да.

— И, конечно, любили гулять по площади Навона?

— Да. Это прекрасное место.

Она затолкала в пепельницу недокуренную сигарету, не глядя на него, улыбаясь загадочно.

— Сейчас у меня такое же настроение, как на той прелестной площади, где всегда тихо в солнечный день. Немного грустно, весело и немного тревожно. Потому что не там живешь. А... вы? — Она повернулась к нему.— А вы... Что вы чувствуете? Простите, я уже осмелела и спрашиваю у вас о том, на что, может быть, не имею права.

— Спрашивайте... Мне сейчас тоже почему-то грустновато,— ответил Никитин.— Спрашивайте.

Она помолчала, разгладила на пальцах кожаные перчатки.

— Вам грустно? Здесь? В Гамбурге? Потому что вспомнили Рим? Или Москву?

— Нет, грустновато... потому,— Никитин попробовал найти нарочито неточное по ощущению слово, а оно, это ощущение, останавливающей угрозой мерцало в нем, оно могло показаться опасно откровенным, чересчур искренним, и он с задержкой договорил: — Потому что грустновато.— Он засмеялся.— Грустновато мне бывает всегда глубокой ночью в чужих городах. Все спят, и город кажется пустым, мертвым, как брошенные последними людьми поселения на другой планете. Вот отчего...

— Господи, зачем они все спят? Какие жалкие, экономные люди, эти немцы! Они экономят марки и в своих снах! — Она тоже засмеялась, показала взглядом на темные окна в угрюмом провале улицы.— Как можно так терять время? Мы едем с вами в Рим. Мы богаты. У нас автомобиль. Мы можем кутить всю ночь. Сколько хотим. А к утру вернемся из Рима в Гамбург, который будет уже просыпаться, и не так будет грустно.

Он не понял:

— В Рим? Каким образом?

— О, этот ресторанчик называется «Навона». Рим в Гамбурге. Или вы хотите куда-нибудь в Сан-Паули? В кабаре? Посмотреть на красивых молодых женщин?

— Нет, давайте-ка в Рим.

— Я ваш шофер на всю ночь и домчу вас со скоростью... со скоростью американских вестернов. Вы любите вестерны?

— Не очень.

— Все равно.

Она наклонилась, тихонько сделала какое-то усилие ногами, и ему послышалось: внятно стукнула о педали одна снятая туфля, потом другая; она толчком ноги быстро задвинула их под сиденье, и он спросил удивленный:

— Вам не холодно будет в чулках?

— Так лучше ощущаешь скорость. Я так делаю иногда ночью.

Маленький ресторан «Навона», куда они приехали, был действительно по-домашнему тихим, полупустым — прохладно белели крахмальные скатерти на столиках, отделенных друг от друга деревянными барьерами, спокойно и неярко горели настольные лампы под голубыми абажурчиками, выступали в тени акварели и фотографии Рима на обтянутых цветочной материей стенах, и где-то в таинственной глубине зала еле разборчиво, успокоительно струилась в тепле, шуршала музыка (она была, и будто ее не было), точно осторожно пойманная из другого, благодатного мира давней старины,— здесь все было чисто, размеренно, приятно, здесь не разговаривали в полный голос,— и весь этот уют ресторанчика, с его наглухо зашторенными окнами, нагретой тишиной, нарушаемой лишь дремотным ручейком журчащей музыки, вообразился Никитину островком успокоения, умиленной мечты о милом прошлом, таком покойном, добром, порядочном, среди современного ночного Гамбурга, бурного хаоса Реепербана, который ни часу не спал, болезненно неистовствовал, веселился в двух кварталах отсюда.

— Вы не возражаете, господин Никитин, если мы возьмем коньяку и кофе? Меня все-таки немножко знобит,— сказала госпожа Герберт после того, как они сели за столик и юная девушка в передничке непорочной белизны походкой застенчивой горничной подошла к ним, распространяя на обоих приветливым взором обволакивающие лучи ласковой доброты.— Наверно, мы можем сегодня выпить еще немножко?

Он ответил, замечая про себя нечто новое, смелое, появившееся в ней.

— Как вы потом поведете машину? Найдете руль?

— О, это не проблема! — Она улыбнулась и потом, когда принесли коньяк и кофе, густой, горячий, в фарфоровых чашечках, сказала, задумчиво разворачивая хрустящую обертку на плиточках сахара: — Что бы ни было злого на земле, господин Никитин, богу нужно было, чтобы вы приехали в Гамбург. Я представляла вас другим... да, другим и боялась, что вы сделаете вид, что ничего не помните. Тогда мы были только молоды... Да, тогда были лучшие годы, как вы сказали, которые у нас за зеркалом... Ведь я не та восемнадцатилетняя Эмма, я госпожа Герберт, я постарела на двадцать шесть лет. Я стала теперь думать об этом. Все чаще стала думать: а что же было главное в моей жизни?

— Давайте выпьем за лучшие годы,— сказал Никитин. И вдруг заговорил с полувеселой, полугрустной откровенностью: — С некоторых пор я тоже все чаще думаю об этом. Уже оглядываешься назад: а что, что там было? Так ли жил, как хотел, как представлял, когда вернулся после войны? Многое оказалось не так. Очень уж много было ошибок и глупостей, о чем стыдно вспомнить. Но в то же время странно: плохое забылось и забывается, и остались студенческие годы, женитьба, рождение сына, первый успех, первая поездка за границу в пятьдесят восьмом году. Все первое... Поэтому прошлая жизнь кажется чрезвычайно краткой и чрезвычайно длинной — иные годы выступают смутно, как в тумане.

— А война? — вполголоса напомнила она и попросила виновато: — Только без политики, если вам будет удобно... если так можно объяснить...

— Война без политики? — повторил Никитин.— Это невозможно. То есть я понимаю, что вы хотите спросить. Я ненавижу войну, но мне порой до тоски не хватает людей, с которыми я встречался на войне, всех — плохих и хороших. Всех, кого я знал. Почему так — ответить не совсем просто. Наверно, потому, что мы, плохие или хорошие, очень нужны были друг другу. Мы были как разные братья в одной семье, что-то в этом роде. Вот господин Алекс сегодня сказал: люби друзей и врагов.— Никитин помолчал в раздумье.— У меня нет этого библейского чувства Иисуса Христа, а война кончилась, прошло много лет, и я почувствовал, что лучше тех людей я потом не встречал. Это ностальгия поколения. Понимаете? Мне все время нужен был такой друг, как лейтенант Княжко. До сих пор нужен. И такого, как Княжко, нет. А наше поколение выбили. Почти всех. Наверное, особенно потому я их люблю и не могу забыть. Даже, кажется, и того сержанта Меженина... Вы должны помнить его... Тот, который застал вас тогда в мансарде...

Она подняла брови, слушая его пристально.

— Вы их любите? Даже того сержанта? Как я помню, вы в него стреляли, и вас арестовали... арестовали в тот день?

— Он был искренен в своей ревности ко мне,— ответил Никитин.— Знаете его судьбу? Он досадно погиб после войны. Одиннадцатого мая. В Австрии. Кто-то в лесу обстрелял машину. В машине ехало четверо, а погиб он один. Это можно было предположить еще и в Кёнигсдорфе во время последнего боя... Он был уже приговорен тогда. Страшно звучит, но это так. В конце войны он слишком хотел выжить. Когда сообщили, что он погиб, мне долго было не по себе. В его смерти было что-то роковое, как бывало на войне.

— Я хочу еще выпить. Я сегодня совершенно не пьянею,— сказала она и жестом подозвала девушку в передничке к столу, подошедшую с прежней ласковостью на преданном лице горничной.— Прошу вас, фрейлейн двойной коньяк.

— Да, госпожа Герберт. Одну минуту.

Между тем ресторанчик постепенно наполнялся ночными посетителями, появлялись за столиками одинокие пожилые женщины, солидные пары, приехавшие сюда на чашку кофе, на поздний ужин, по-видимому, после кино или кабаре, голубели в дымках сигарет абажурчики ламп, шелестели меню, слегка позванивали расставляемые приборы, приглушенно плыла как бы дальней стороной музыка, и все так же было несуетливо, размеренно, уютно, будто задернутые на окнах занавеси, обитые материей стены, увешанные солнечными акварелями, цветными фотографиями Рима, прочно охраняли этот нерушимый, вне времени, домашний ковчег, это убежище тишины и

душевного успокоения. И Никитину пришла мысль, что госпожа Герберт выбрала и полюбила уголок отдохновения «на Навоне» (самой тихой римской площади), которая присутствовала здесь на фотографиях, но, вероятно, знала, что своим выбором обманывает себя, желая обмана, и вся ее жизнь представлялась ему несоответствием куда-то несущего, бездумного удовольствия, скорости (скинула туфли и, не притормаживая, мчала машину по заснувшему Гамбургу) и какого-то сказочного ожидания воображаемого, ушедшего навсегда старинного покоя, где все твердо стоит на незыблемых местах. «Я уже придумываю ее жизнь,— подумал он, с сомнением развязывая тайный узелочек, мучимый любопытством к тому, о чем она не говорила.— Жизнь Эммы, которая стала госпожой Герберт,— нет, тут я могу ошибиться, нафантазировать небылицы».

— Я хотел бы...— сказал он и подождал, пока отойдет девушка в передничке, аккуратно поставившая перед ними рюмки, наполненные коньяком,— я хотел бы, чтобы вы позволили мне задать вам несколько вопросов... в обмен на любой вопрос, который вы зададите мне.

— Я согласна на обмен, если только смогу...

Он спросил:

— Как вы жили после войны? Я хорошо помню, что ваш брат и вы хотели уйти в Гамбург. Он ушел без вас, вы остались... А утром, вы знаете, что было... А потом? Вы нашли брата?

Она посмотрела взглядом долгого внимания и отвела глаза, а когда опять посмотрела, по лицу пробежал отсвет встревоженной неуверенности.

— Да, я добралась до Гамбурга, где были уже американцы. И нашла брата, застала его в квартире дяди. Курт был подавлен, испуган, все время лежал на диване, смотрел, как больной, в потолок и не выходил из дома. Однажды он нашел в шкафу кабинета дяди военный мундир, сжег его в камине, стал бегать по квартире, плакать, запирать двери комнат и кричать, что русские придут и его расстреляют. Это была ужасная истерика. Через месяц он выздоровел.

— Ваш брат показался мне болезненным и нервным парнем,— сказал Никитин, туманно вспоминая не черты его лица, а что-то сутулое, длинное, серое, одетое в широкий, не по росту мундир, нелепо висевший на его плечах.— Но бог с ним, с вашим братом, я его плохо помню. Ну, а вы как потом? Учились в университете?

— Курт на два года моложе меня,— продолжала она, неловко, поспешно оправдывая мальчишескую неполноценность брата, запомнившуюся Никитину.— Нет, я не закончила университет, надо было зарабатывать деньги. Я работала секретарем в одной маленькой фирме, потом в библиотеке, потом в книжном магазине. И тогда вышла замуж. Только...— Она грустно подняла уголки губ.— Эти годы не были лучшими моими годами. Мой муж был старше меня на десять лет, умный, добрый человек. Я понимала, что уже нельзя одной... мне надо было устраивать жизнь. Три больших книжных магазина, большая квартира, две машины — я стала богатой женщиной. Лучшее было — рождение дочери. Это было самое лучшее после войны. Самое лучшее... Потом вместе с мужем мы зарабатывали деньги и часто ездили за границу. Но так было недолго. Муж умер, дочь вышла замуж за француза и уехала в Канаду. И я осталась одна со своими деньгами, магазинами и машинами. И вот так прожила жизнь, совсем незаметно... Сейчас вспомнила. В вашем последнем романе герой задумывается, счастлив или несчастлив он был, прожив жизнь. И ищет ответа и не находит. Так у вас написано?

Она вопросительно глядела на него сквозь светлую тень настольной лампы, а он не почувствовал удовлетворения в ее насильно ровном ритме голоса и, испытывая необъяснимую острую потребность узнать главное в чужой, неблизкой жизни ее, когда-то близостью и болью коснувшейся его жизни, и борясь с собственным неудовлетворением, спросил, переступив хрупкую границу возможной откровенности:

— И все-таки вы были когда-нибудь счастливы? Понимаю, конечно, когда человек задумывается, счастлив ли он, то сразу становится несчастлив...— Он внезапно рассердился на себя за недозволенное приличием любопытство и добавил:— Простите, я не хотел задавать этот неделикатный и сложный вопрос!.. Это, простите, отчаянная глупость!— И в воздухе поставил пальцем крест.— Зачеркните красным карандашом мой вопрос. Пожалуйста!

Она опустила глаза, проговорила:

— Почему? Вопрос простой. Ответ сложный. Я помню, вы просили меня быть откровенной. И мы должны быть сейчас откровенными. Потому что мы не говорим о политике. О, как я ненавижу политику, которая так надоела и так мешает людям, мешает тысячи лет!— Она притронулась к рюмке с коньяком, медленно поводила донышком по скатерти, но тотчас, мигом решившись, заговорила принужденно-весело, тоном вызывающего задора:— Все было когда-то давно. Когда в курортном городке под Берлином жила девочка Эмма, наивная немецкая Золушка. Веснушчатая дурнушка. И когда совсем быстро, в несколько дней, прошла там война. И было опасно и страшно, потому что девочка ожидала нашествия варваров, и действительно сначала она пережила ужас — там, в мансарде... А потом влетела бабочка в ее комнату в образе русского лейтенанта, мальчика-рыцаря, как в доброй немецкой сказке, которую Эмме читали в детстве. И эта девочка всю жизнь помнила чудесную и короткую сказку, а может быть, сон,— когда выходила замуж, когда у нее родилась дочь и даже когда ездила с мужем в свой любимый Рим. И там она почему-то мечтала неожиданно встретить своего рыцаря, который прилетит, как бабочка в детстве. Но... представим себе, что мы и сейчас в Риме! И у нас нет никаких забот и никаких вопросов... Хорошо?

Она засмеялась, беспечно-наивно всматриваясь в самые его зрачки поверх поднятой рюмки, он же видел: по горлу ее проходила дрожь, похожая на судорогу напряжения,— и вдруг, будто в ресторане господина Алекса, когда она танцевала, он почувствовал уже не грустный наплыв приятного воспоминания, а щемяще-пронзительную, как боль, нежность к той близости прошлого, к тому, что было между ними, к тому неисповедимо оставшемуся в Эмме, не забытому ею. Однако он не предполагал, что она так раскрыто коснется их прошлого, и был ошеломлен и ее неожиданной искренностью, и ее обороняющимся смехом, и этой судорогой горла.

Неужели то неповторимое, отдаленное пропастью лет, за которыми были грубая реальность войны, непонимание, страх и несколько стремительных дней всепоглощающего их наваждения, какое бывает только в юности,— до сих пор овевало ее ветерком потерянной радости и было прочнее, необычнее, счастливее, чем прожитое в поздние годы? И ему недоставало отчаяния поверить: неужели в ней, госпоже Герберт, сорокачетырехлетней женщине, имевшей замужнюю дочь, еще жила, еще в чем-то сохранилась прежняя восемнадцатилетняя Эмма? И тот русский лейтенант, «мальчик-рыцарь», «бабочка из России», был он, теперь сорокасемилетний, много повидавший человек, любящий свою жену и в силу тысяч разных причин не так уж часто вспоминавший о тех кратких нескольких днях первой «фронтовой» любви, оглушившей его тогда, перед концом войны.

— Госпожа Герберт!— проговорил он.— Госпожа Герберт...

И замолчал.

В эту секунду он искал в себе причины собственной вины, которая росла в нем, обострялась горьким изумлением, неловкостью, жалостью, а она, покачивая коньяк в рюмке, все смотрела и ожидала с видом проказливой, беспечной выходки, словно бы сказала ему между делом, необязательно напомнила веселое, простое, мимолетное, не требующее напряжения ни с ее, ни с его стороны. Но только глаза не выдерживали фальшивой игры, искорки смеха гасли, и она, силясь уже притупить что-то в них обоих, силясь придать разговору ни к чему не обязывающую легкость, быстро проговорила:

— Господин Никитин, мы с вами стали вспоминать молодость, и многое было таким наивным, таким... немножко романтичным, смешным, не правда ли?

Он ответил:

— Смешным? Нет. Смешного было мало. Наоборот.

Она поправилась, удерживаясь на легком тоне:

— Сейчас кажется смешным. Мы надеялись, что нам не смогут помешать и мы скоро увидимся. Мы просто забыли про войну. И я верила... Только в молодости можно так верить.

— Вы правы. Только в молодости,— сказал он.— Вы правы!

Она растерянно потрогала ладонью висок.

— И вы... вы, господин Никитин, приехали бы в Кёнигсдорф, если бы, простите, если бы это было тогда возможным?

Все, что он чувствовал сейчас к той прежней Эмме и к тому прежнему лейтенанту Никитину, было частью его военной жизни, но жизни такой ушедшей, ни в чем не повторимой по горячей, молодой и бездумной решимости, которая даже мешала, препятствовала ему позже обуздывать поступки бывшего лейтенанта Никитина, самоуверенно знавшего главное или почти главное, что надо делать на войне в каждый момент переменчивой судьбы, казалось, всецело зависевшей от него. Лишь некоторое время спустя он понял: понемногу он терял то, что было его сущностью в те годы, и приобретал другое, что отдаляло его от лейтенанта Никитина.

— Тогда — да,— наконец ответил он с оборением мучительного неудобства.— Я был наполовину уверен, что война странными путями может вернуть меня в Кёнигсдорф. Я верил и не верил, что мы можем встретиться. Но потом была Чехословакия, конец войны, демобилизация. Много было «потом».

— Вы вспоминали меня?

— Да. Хотя меня уже несла другая жизнь.

— Господи!— сказала она, и лицо ее мгновенно утратило выражение задорной игры, потухло, поблекло, осунулось, и, как недавно в ресторане господина Алекса, плечи зябко сузились, отчего что-то жалкое, подавленное появилось во всей ее позе, в наклоненном лбу, в прикушенных губах...— Господи!— повторила она, стискивая на коленях пальцы.— Я ждала... Я думала, что вы приедете. Знаете, о чем я молилась? Мне страшно вспомнить, о чем я думала после войны. Господи,— молилась я,— пусть снова будет война, пусть снова стреляют, пусть меня насилуют, но только чтобы вернулся русский лейтенант... чтобы приехал в Кёнигсдорф, в Гамбург со своими пушками, сказал бы: «Эмма, я люблю тебя»,— и я ответила бы: «Я умираю без тебя...» Я представляла, как это будет. Не правда ли, какая я была глупая, сумасшедшая, сентиментальная девочка!.. Сейчас об этом смешно говорить. Сейчас мы должны пить коньяк и вспоминать приятное. У нас должно быть прекрасное настроение. Не правда ли, господин Никитин?

Она усилием постаралась придать своему голосу выражение веселого облегчения, заставить по-прежнему блестеть из голубоватой тени абажура глаза, но попытка эта была нерешительной, и она без раскованной живости поднесла рюмку к растянутым улыбкой губам, договорила негромко:

— Вы совсем не пьете, господин Никитин. Простите, я немного опьянела и сказала лишнее. Я увлеклась, простите...

Мешая ему ответить ей, колючая стальная пружинка распрямлялась в его груди, где-то возле сердца, тоскливой болью поворачивалась режущим острием при виде ее неумелой и непрочной защиты, не сумевшей скрыть, спасти то, что вырвалось в несдержанном порыве вернуться в сохраненное прошлое,— и, не ожидая этого предела в их разговоре, он подумал, что не сможет объяснить ей свою жизнь после войны, прожитую целую вечность, так же, как она свою. И мелькнула мысль, что оба они жили словно на разных планетах, случайно встретившись в момент их враждебного столкновения, на тысячную долю секунды, вероятно, счастливо, как бывает в юности, увидев друг друга вблизи,— и со страшными разрушениями планеты вновь оттолкнулись, разошлись, вращаясь в противоположных направлениях галактики среди утвержденного уже мира. На каждой планете затем установилось несовпадающее время, непохожее годосчисление, несоприкасающиеся светлые и черные дни, и тоже чем-то несхожие страдания, беды, любовь и собственные, подчиняю-

щие людей закономерности. И он, Никитин, жил данными его планете закономерностями, подхваченный новыми событиями, течением иных чувств, забывая о той молниеносной вспышке соединения между ним и ею. «Была ли в том моя вина, связанная с отчаянным мальчишеским ослеплением? Да, у меня и у нее было ослепление первой влюбленностью. Но как она могла так долго надеяться, ждать, поверив тогда в незыблемость своей судьбы? Я часто вспоминал ее в сорок пятом году, а в сорок шестом уже был таким же, как сотни других лейтенантов, и весь был подчинен наступившему мирному времени. О, как властно оно мною командовало! Я жил в другом измерении, во всем другом. Демобилизация, возвращение в Москву, радость и жадность к жизни, вечеринки парней в шинелях, новые друзья, университет, неутоленная жажда к книгам, студенческое общежитие... А у нее все было иначе? И время затормозилось?»

— Госпожа Герберт,— проговорил Никитин, дыханием превозмогая остренькое покалывание воткнутой в грудь пружинки.— В сорок пятом году я верил, что все изменится после войны, что весь мир и вся жизнь будут сплошным праздником. В сорок шестом и сорок девятом я этого уже не думал. Потом началась «холодная война» — и все окончательно раскололось...

«Я совсем не то, не то говорю, я не могу лгать ей,— подумал он.— Она знает это и ждет другого объяснения от меня. Что, что же я ей могу сказать? То, что не двадцать шесть лет поглотили и растворили в себе несколько дней юности? Что невозможное нельзя было сделать действительным?»

Он сказал вполголоса:

— Лейтенанту Никитину было тогда чересчур все ясно. И, как я помню, он почти не умел лгать, и ему казалось, что все зависело от его смелости и честности. И все же он был мальчик, не знал, что такое жизнь, которая была гораздо сильнее его.

Она — как на холодном ветерке — ознобно поежила плечами, потом отклонила голову, и в притворном полусмехе блеснули маленькими зеркальцами ее отлично сохранившиеся зубы.

— Я опьянела, господин Никитин, у меня кружится голова. Поэтому наговорила вам много глупых слов. Никакого Рима у нас не получилось, я нагнала на вас тоску, простите меня! Из Рима мы сейчас опять поедем в Гамбург, где под перинами давно спят добропорядочные немцы. И представьте, они так спокойно и великолепно храпят на пуховых подушках, как будто на свете наступил рай—хр-хр!.. Целый миллион храпящих немцев! Не правда ли, смешно!

С тем же притворным оживлением она подложила руку под щеку, изображая сладкий сон добропорядочных немцев, а он понял, что она изо всех сил обороняла свою обнаженную перед ним искренность, чисто по-женски стараясь прекратить этим полусмехом трудный для них обоих разговор,— и, поняв ее, он необлегченно, еще душевно неперестроенный, вступил в эту предложенную ею, как вынужденное спасение, игру, спросил предупреждающе шутливо:

— Вам не сложно будет вести машину в Гамбург из Рима? У вас не строгие таможенники?

— О, нет!— воскликнула она, продолжая игру.— Мне только стоит сесть за руль, снять туфли, и... промчимся через таможню на страх полиции! Я ничего не боюсь.

— Вы мужественная женщина...

И она на мгновение не смогла справиться с собой, брови выгнулись страдальчески-удивленно.

— Я? Мужественная? Какая ошибка!.. Я одинока, господин Никитин. И мне нечего терять, кроме квартиры, «мерседеса» и трех книжных магазинов. Но...— Она сделала фальшиво-испуганное лицо.— Но я не хочу никаких революций и не хочу терять ни магазинов, ни «мерседеса». Это уже трусость, а не мужество, не правда ли?

— Может быть,— проговорил он.

Она сказала чрезмерно торопливо:

— Последний тост, господин Никитин. Я хочу выпить за вас и вашу жену. Я знаю, что вы ее любите. Вы о ней ничего не говорили, значит, вы ее любите.

— За вас, госпожа Герберт,— проговорил он и тут же в неловкой заминке от невольной этой двусмысленности, хмурясь, исправил ошибку:— Я пью за вас, госпожа Герберт.

А она с умной чуткостью уловила словесную двусмысленность и улыбнулась ему:

— О, к сожалению, я не ваша жена. Выпьем за вашу настоящую жену, которую вы любите. И которая вас любит. И чокнемся, как у вас в России. Где-то я читала, господин Никитин, что в старые времена люди чокались, чтобы вино выплеснулось из одного кубка в другой. Для чего? Для того, чтобы показать — в нем нет яда. В моем кубке нет яда, господин Никитин. И не надо, чтобы нам было грустно. Не так ли?

— Ваше здоровье, госпожа Герберт.

— Благодарю вас. Я постараюсь жить очень долго, и ездить в Рим, и пить коньяк, и читать умные книги, и весело смотреть на свои морщинки в зеркало.

Однако уже в машине она, по-видимому, не выдержала долгого напряжения трудной игры, села к рулю, включила мотор, замедленно сняла туфли и, начав надевать перчатки, резко сдернула их и, будто согревая кисти в зажатых коленях, наклонилась вперед, замерла так, глядя на ночную улицу, из конца в конец продутую осенним промозглым ветром, без единого прохожего, мертвенно отсвечивающую пустым асфальтом под синеватыми фонарями, сказала шепотом:

— Как холодно, господи...

— Зачем вы сняли туфли?— укоризненно проговорил он.— Наденьте. Ведь можно ехать и на средней скорости.

— Мне почему-то часто бывает холодно, господин Никитин,— ответила она, вся вздрагивая, и глаза ее увеличились мольбой и страхом, выделились неестественным блеском на белом лице.— Меня не согревает даже коньяк.— И после паузы она опять не в полный голос сказала, будто самой себе: — Господи, мне так иногда бывает холодно!..

— Госпожа Герберт... Эмма,— выговорил он, захлестнутый жалостью, не зная, что ответить ей, чувствуя, как воткнутая железными краями пружинка в груди, распрямляясь, подрезает и сбивает дыхание, и неожиданно двумя руками взял ее руки, ледяные, тонкие, в странной какой-то детской легкости покорно подавшиеся к нему руки Эммы, и подышал на них, стал тереть их с осторожной нежностью в своих ладонях, потерянно успокаивая ее ненатурально бодрой, решительной скороговоркой:— Сейчас все будет в порядке. И вы сможете держать руль, как настоящий мужчина. Как герой из вестерна. Сейчас все будет отлично. Мы с вами возвращаемся из Рима. Но вы еще вернетесь в Рим.

Он успокаивал ее неудобно, совершенно бессмысленно, сознавая это бессмысленное и единственное, что мог сделать, а она, повернув голову в сторону, робко клонясь к нему, кусая губы, глядела на огни улицы, и светлая, точно отблеск фонарей, полоска ползла по ее щеке.

— Простите меня...

Она всхлипнула, и он вдруг услышал ее совсем уж слабый, задавленно прозвучавший шепот, как тогда, в ту майскую звездную ночь, когда она пришла к нему, арестованному Гранатуровым, в мансарду:

— Вади-им...— И, выпростав легонькие дрожащие пальцы, опуская голову, очень быстро стала надевать перчатки, потом перчаткой мазнула по щекам.— Я не плачу, нет. Некрасиво и смешно, когда плачет немолодая женщина. Мы поедем сейчас... Я буду вести машину, как герой из вестерна. Не правда ли, я мужественная женщина? Я ведь немка, потомок викингов! Господи...

И она через заволакивающие слезы прямо посмотрела на него.

— Господи, у меня нет сил,— снова прошептала она отчаянно,— пусть несчастья, пусть катастрофа, но пусть будет то, пусть повторится то... Это — безумие, безумие, но я ничего не могу поделать, простите меня!..

Мертвея от ее слов, он молчал, и замолчала она, откинувшись затылком на спинку сиденья, с закрытыми глазами.

Окончание следует.



ПЕСНИ НЕ УХОДЯТ В ЗАПАС

Песни, как люди,— у каждой своя судьба. И нет судьбы для них прекрасней, чем навсегда остаться в памяти народа, стать частью его жизни. Не случайно Михаил Исаковский однажды заметил, что «современная песня — это значит самая лучшая песня, самая распространенная, самая любимая народом... Все дело в конечном счете зависит не от того, кто сочинил ту или иную песню — профессионал или непрофессионал, а от качества этой песни. Если песня по-настоящему хороша, если она выражает дух нашего времени, если она очень широко распространена и любима народом, то ее с полным правом можно назвать народной песней, независимо от того, кто ее написал».

Великолепной антологией таких подлинно народных песен стал сборник «Нам дороги эти позабыть нельзя». Этот сборник продолжил большой, очень нужный труд Александра Тищенко по собиранию, исследованию и пропаганде советской песни, посвященной армии и флоту.

Новое издание, подготовленное А. Тищенко, не ставит своей целью охватить все многообразие песенного творчества времен Великой Отечественной войны,— оно необозримо. Но лучшие произведения тех лет представлены полно. От «Священной войны» А. В. Александрова и В. Лебедева-Кумача, грозно прозвучавшей в первые же дни фашистского нашествия, до победной фронтовой песни «Казаки» братьев Покрасс (слова Ц. Солодаря), написанной в День Победы — 9 мая 1945 года.

Да, песни имеют свою судьбу. Удивительную и прекрасную.

Летом 1942 года, после 250-дневной обороны, наши войска временно оставили Севастополь. Из очерка Л. Соловьева «Севастопольский камень» композитор Б. Мокроусов узнал о смертельно раненном моряке, последним покинувшем город-герой. Образ умирающего матроса, сжимающего ослабевшей рукой кусок севастопольского гранита, потряс композитора; еще не имея текста, он написал мелодию, а стихи сложил поэт А. Жаров, который все годы войны провел на флоте. Так родилась замечательная песня «Заветный камень».

Да разве только она одна! Песни рождались в осажденных городах, в блиндажах и партизанских землянках. С первого до последнего дня войны они оставались в строю. И сегодня, много лет спустя, они, как прежде, с нами. Песни не уходят в запас.

В. СУББОТИН



1

Прогрессивная общественность Соединенных Штатов выражает солидарность с борьбой коренного населения Южной Африки против расистского режима Претории и требует, чтобы правительство США разорвало всякие отношения с ЮАР.

На снимке: участники демонстрации против политики апартеида, проводимой режимом белого меньшинства в Южной Африке.

2

Студенты университета в Сан-Франциско дали достойный отпор группе членов неофашистской «Партии белых». Скандируя «Нет — фашизму, нет — нацистам», они сорвали сборище, которое последыши Гитлера пытались устроить в университете. Неофашисты набросились на студентов. Однако молодые люди не отступили, и фашисты были вынуждены покинуть университет.

3

В городе Графенвер (ФРГ), в 100 километрах от Нюрнберга, расположен самый большой натовский полигон. На военной базе размещено 40 тысяч американских солдат и офицеров. Как сообщает западногерманская печать, отношения между жителями города и американскими солдатами обострились до крайности из-за бесцеремонного поведения военнослужащих США. Местные власти потребовали от начальника гарнизона запретить им покидать территорию базы.

На снимке: американские танки на полигоне в Графенвере.

4

В Северной Ирландии вооруженные банды протестантских экстремистов с помощью террора и насилия накаляют обстановку. Террористы, как правило, остаются безнаказанными и даже устраивают пресс-конференции. Правда, делают они это в масках.

5

Грим, парики, губная помада и наборы дамской одежды отныне в большом ходу в... полицейских комиссариатах США и Западной Европы. Блюстителям порядка все чаще приходится прибегать к всевозможным трюкам, чтобы справиться с растущей преступностью. Поневоле станешь изобретательнее, если, например, полиция только одного западногерманского города Франкфурта-на-Майне ежедневно рассылает в свои отделения по телетайпам список разыскиваемых преступников, имеющий в длину полтора метра...

На снимке: переодетые полицейские одного из участков в Кельне.

6

Такие соревнования пользуются большой популярностью в Таиланде. Начало им положили лет 80 назад таиландские моряки, которые впервые провели состязания по боксу на... горизонтальных брусьях, вынесенных за борт судна. В наши дни боксер, потерпевший поражение, падает уже не в морскую воду, а на маты спортивного зала.

Фото ТАСС, АП и из журнала «Штерн»



1

2



3



4



5



6





ШАХМАТЫ СЕГОДНЯ

Макс ЭЙВЕ,
президент ФИДЕ

ФИДЕ до и после 1 апреля 1975 года! Это звучит поистине комично, что именно день 1 апреля стал столь важным днем для ФИДЕ и всего шахматного мира, поворотным пунктом в шахматной истории. Неизбежно возникает вопрос: подорвала ли ФИДЕ в предыдущие месяцы свой авторитет или укрепила его? Вышла ли ФИДЕ окрепшей или же ослабевшей из столкновений, которые в определенном смысле вытекали из того обстоятельства, что правящий чемпион мира Роберт Фишер составил собственную концепцию борьбы за титул, чего никогда не делали прежние чемпионы, по меньшей мере с тех пор, как авторитет ФИДЕ в проведении первенства мира стал незыблемым.

Концепция Фишера содержала различные условия, малопривлекательные или же вовсе не приемлемые для претендента, но американская шахматная федерация целиком поддержала условия Фишера, а за нею последовали и некоторые другие федерации в Центральной Америке и Азии. Большинство европейских (и некоторые из южноамериканских) стран сохранили трезвость, хотя и придавали большое значение проведению матча Фишер — Карпов, и исходная позиция этих стран состояла в следующем: нельзя поединок проводить любой ценой.

В Ницце на конгрессе ФИДЕ многие требования Фишера были удовлетворены, но тем не менее Федерация США захотела пойти дальше, считая, что надо предпринять все, чтобы усадить Фишера за доску. Однако Фишер телеграммой в Ниццу известил нас, что он не согласен с достигнутым компромиссом и не станет защищать свой титул. И все же американские шахматные круги по-прежнему продолжали попытки найти приемлемый для чемпиона мира компромисс, видимо, не теряя надежды осуществить новый гигантский спектакль, который привлек бы десятки или даже сотни тысяч новых шахматистов в ряды Федерации, хотя здравый смысл подсказывал, что если принятое решение вступило в фазу осуществления, то его едва ли можно повернуть вспять.

Принятый в Ницце регламент уже вступил в действие, но, несмотря на это, американские организаторы, поддержанные рядом федераций, стали настаивать на созыве чрезвычайного конгресса ФИДЕ. Хотя адвокат, к которому я обратился за советом, (сам он тоже шахматист), лично был против созыва, он не смог сказать ничего определенного, кроме констатации, что в уставе есть известные прорехи, и что в своей нынешней форме он не препятствует созыву чрезвычайного конгресса, и что если я как президент не созову его, то другая сторона может принудить меня к этому в судебном порядке. У меня, таким образом, не оставалось выбора. Уже стоя на трапе самолета, перед своей поездкой по Африке, я уполномочил генерального секретаря ФИДЕ госпожу Баккер созвать чрезвычайный конгресс, если будет получено необходимое число заявлений.

Президенту всемирной организации не приходится сетовать на недостаток критики. Вызвала резкую критику и моя позиция. Очевидно, противники созыва чрезвычайного конгресса опасались того, что я вновь предприму нечто подобное Рейкьявику. Пусть читатели «Огонька» не посетуют на меня, если я сейчас вынужден повернуть время на три года вспять. В беседах мне уже приходилось слышать: «Рейкьявик не повторится». Создается впечатление, будто в Рейкьявике были совершены тяжкие прегрешения против устава. Мне представляется поэтому абсолютно необходимым напомнить сейчас вкратце, что произошло в Рейкьявике.

Роберт Фишер не появился на торжественном открытии, отсутствовал он и на предусмотренной правилами жеребьевке 1 июля 1972 года. После этого я мог бы дисквалифицировать Фишера, однако после всесторонних раз-

ПРЕМЬЕРА КАРПОВА

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Анатолий Карпов заявил, что чемпион принадлежит всему шахматному миру и поэтому он будет не пассивным, а играющим чемпионом мира.

Слова Карпова с делами не расходятся. После его коронации он посетил родной город Златоуст, где некогда узнал, как ходит шахматный конь, и дал несколько сеансов одновременной игры. В июне новый чемпион мира принял участие в международном турнире в Югославии и добился победы. Карпов выиграл 7 партий и 8 свел вничью. В первом туре он встретился с одним из сильнейших шахматистов мира, венгерским гроссмейстером Л. Портишем.

Интересно отметить, что Карпов ему проиграл партию в Сан-Антонио в 1972 году. Анатолий Карпов — человек незлопамятный, но, видимо, решил ликвидировать старый долг. Для Карпова эта встреча была нечто вроде премьеры — первая партия, которую он сыграл в ранге чемпиона мира.

Вот как она протекала:

А. Карпов — Л. Портиш

Славянская защита

1.	Kg1—f3	d7—d5
2.	d2—d4	Kg8—f6
3.	c2—c4	c7—c6
4.	Kb1—c3	d5:c4
5.	a2—a4	Cc8—f5
6.	e2—e3	e7—e6
7.	Cf1:c4	Cf8—b4
8.	0—0	0—0
9.	Kf3—h4	Cf5—g4
10.	f2—f3	Cg4—h5
11.	g2—g4	Ch5—g6
12.	Kh4:g6	h7:g6

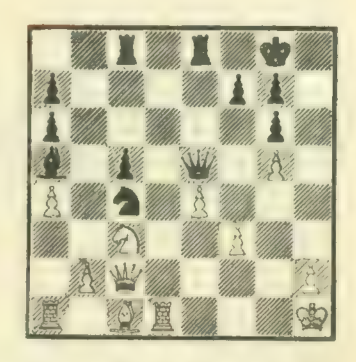
Эта позиция давным-давно известна и не считалась опасной для черных. Но так же, как и мода, иногда меняется оценка того или иного варианта в дебюте. Если Карпов в этой важной партии пошел на этот вариант, то значит, он считает, что позиция белых лучше.

13.	Фd1—b3	Фd8—e7
14.	g4—g5	Kf6—d5
15.	e3—e4	Kd5—b6
16.	Kc3—a2	Cb4—a5
17.	Cc4—e2	e6—e5
18.	Фb3—c2	Kb6—d7

Легко убедиться, что плохо 18...ed 19. b4, и черные теряют качество.

19.	d4:e5	Фe7:e5
20.	Kpg1—h1	Лf8—e8
21.	Ce2—c4	Kd7—b6
22.	Cc4—d3	Kb8—a6
23.	Cd3:a6	b7:a6
24.	Лf1—d1	c6—c5
25.	Cc1—e3	Лa8—c8
26.	Ka2—c3	Kb6—c4
27.	Ce3—c1	Лc8—b8?

Портиш



Карпов

Серьезная ошибка, не похоже на солидного Портиша, «венгерского Ботвинника», как его зовут в Венгрии. Черные обязаны были раз-

мышлений вместе со всеми присутствовавшими в Рейкьявике деятелями ФИДЕ предоставил претенденту два дополнительных дня. При педантичном соблюдении дат матч бы не состоялся, шахматы не пережили бы мощный подъем, а шахматный мир не обогатился бы многими сотнями тысяч новых шахматистов. Кроме того, у поклонников Фишера, наверное, сложилось бы впечатление, что их идолу не были даны все шансы. Даже пессимисты вскоре убедились, что решения в Рейкьявике послужили на благо шахматам, и на конгрессе в Скопле в 1972 году не раздалось уже ни одного голоса против этих решений.

Всем этим я ни в коей мере не хочу оправдать поведение Фишера. Он тягостная личность, с ним трудно иметь дело. Он бескомпромиссен, а так нельзя вести себя в нашем обществе: надо и давать и брать. Фишер живет в ином мире, он исповедует свои собственные принципы и ведет себя порой, как ребенок, поломавший свою игрушку. Как раз это и случилось сейчас — к его собственному ущербу. Я надеялся, а со мной и многие другие, что Фишер на сей раз в последний момент заговорит и сыграет матч на условиях, действительно небезвыгодных для него. Но, к сожалению, Рейкьявик не повторился!

Хочу рассеять еще одно маленькое недоразумение. В мировой печати было в ходу такое утверждение: «А Фишер все-таки получил один дополнительный день». Это неверно. Дело обстояло так. По правилам Фишер должен был до 12 часов ночи 1 апреля 1975 года дать ответ. При этом учитывалось местное время, то есть по голландскому времени до 8 часов утра 2 апреля (10 часов утра по московскому времени).

2 апреля в 7 часов утра на мой телефонный запрос соседка Фишера сообщила, что Фишер не намерен играть и что не следует рассчитывать на получение согласия по телефону до 8 часов.

Когда в 11 часов дня в Амстердаме открылась пресс-конференция, я должен был учитывать возможность, что Фишер в последний момент одумался и отправил телеграмму, хотя это было весьма маловероятно. Телеграмма, отправленная из Калифорнии в 8 часов (по голландскому времени), едва ли прибудет к 11 часам в Амстердам. Поэтому телеграмме было отпущено еще 24 часа, чтобы пересечь Атлантику. Не Фишер получил дополнительный день, а телеграмма! Ибо если из запоздавшей телеграммы следовало бы, что она отправлена после 8 часов (2 апреля), то, значит, сроки были бы нарушены, а отречение от трона оказалось бы столь же бесспорным, как и сейчас.



Я сожалею, что матч не состоялся, а вместе со мной многие другие, включая и нового чемпиона Анатолия Карпова. Однако вряд ли стоит упрекать ФИДЕ за то, что требования Фишера не были отвергнуты с порога. Фишер — гениальный шахматист, надо было пойти ему навстречу, но это не значит, что надо было принимать все его условия.

ФИДЕ предприняла все, чтобы сделать невозможное возможным. Согласен, что созыв чрезвычайного конгресса ФИДЕ выглядел несколько непоследовательным, но теперь, оглядываясь назад, нельзя не испытывать удовлетворения. Иначе у другой стороны наверняка сложилось бы впечатление, что ФИДЕ не использовала всех возможностей законным образом осуществить все ее пожелания. Теперь со всем этим покончено. Мы переворачиваем лист и вписываем новую страницу в историю современных шахмат. С чего же начнется эта новая страница? Сообщения, будто может состояться запоздалый и уже неофициальный матч между Карповым и Фишером, на мой взгляд, не заслуживает доверия. Речь идет о том, будто Карпов изъявил готовность, и что Фишер якобы спустя какое-то время все-таки захочет играть. Но если Фишер не захотел играть на благоприятных для него условиях последнего конгресса, то вряд ли можно рассчитывать, что он согласится теперь с другими, наверняка менее выгодными условиями. Ведь сейчас уже Карпов — чемпион мира, а Фишер — лишь один из претендентов.

Все это представляется мне сложной математической проблемой, и если ее не удалось решить с помощью дифференциальных уравнений, то теперь решить ее с помощью элементарной арифметики просто невозможно, поэтому забудем о несбыточных возможностях. Но что же тогда? Выйдет ли Фишер снова на арену после трехлетней паузы? По регламенту он, как и Корчной, имеет право на участие в турнире претендентов 1977 года, то есть минуя отборочные соревнования, но я не думаю, что он этим воспользуется. Что еще? Может быть, он испытает свои силы на каком-нибудь турнире или матче? Поговаривают о поединке Фишер — Мекинг, но вызовет ли такая встреча достаточный интерес? И если да, то Фишеру условия наверняка покажутся не слишком привлекательными, чтобы он вышел из своей добровольной изоляции.

Вопреки всем трудностям хочется верить, что Роберт Фишер не потерян безвозвратно для шахматного мира, хотя пока и не видно, как предотвратить эту потерю.

А что же новый чемпион мира? Его спортивная позиция ясна: Карпов намерен участвовать в турнирах, в двух, трех ежегодно. Тем самым Карпов сразу же поставил под угрозу свой покой. Новый чемпион мира, как и любой другой до него, знает, что в турнирах теперь побеждать ему будет особенно трудно. Каждый старается отнять у чемпиона половинку или даже целое очко, и из истории нам известно, что это удается довольно часто. Большинство чемпионов мира в лучшем случае побеждали лишь в половине тех турниров, в которых они принимали участие. Один лишь Алехин составляет исключение (по меньшей мере в первый период своего чемпионства, когда он добивался сплошных побед). Да и Ботвинник побеждал почти во всех турнирах лишь до завоевания титула.

Очевидно, Карпов обо всем этом знает. Тем более следует приветствовать его боевой задор.

ФИДЕ пока обрела спокойствие, но ненадолго. В течение года надо составить новый регламент первенства мира, ведь нынешний был скроен лишь для матчей 1975 года. Надо подумать о новом цикле. Крупных изменений в регламенте пока еще никто не предложил.

Перевод с немецкого.

менять коня путем 27... С : с3, после чего игра могла протекать еще очень сложно. После ошибки Портиша партия заканчивается неожиданно быстро.

28. Кс3—d5	...

Крупные материальные потери для черных неизбежны. Как это Портиш «зевнул» такой очевидный ход?!

28. ...	Кс4:b2
29. Сс1—f4	Фе5—е6
30. Лd1—b1	Фе6—h3
31. Cf4:b8	Ле8:b8

Оказывается, что 31... Ф:h3+ из-за 32. Фg2 вовсе не угроза. Возможно, что в этом состоял просчет венгерского гроссмейстера.

32. Лb1 : b2 Черные сдались.

Любитель шахмат не отказался бы хотя бы посредством 32... Ф:f3+ шахнуть чемпиона мира, но Портиш, очевидно, был огорчен финалом этой партии.

* * *

Посмотрите, как чемпион мира буквально растерзал позицию кубинского мастера Гарсиа:

А. Карпов — С. Гарсиа

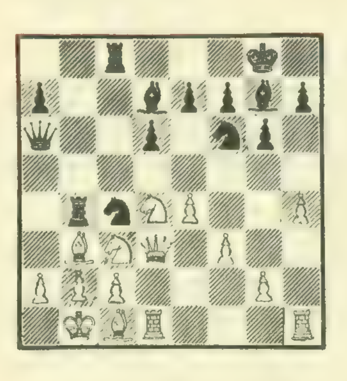
Сицилианская защита

1. е2—е4	с7—с5
2. Кg1—f3	Кb8—с6
3. d2—d4	с5:d4
4. Кf3:d4	g7—g6
5. Кb1—с3	Сf8—g7
6. Сс1—е3	Кg8—f6
7. Сf1—с4	0—0
8. Сс4—b3	d7—d6
9. f2—f3	Сс8—d7
10. Фd1—d2	Фd8—а5
11. h2—h4	Лf8—с8
12. 0—0—0	Кс6—е5
13. Крс1—b1	b7—b5

В смелости никак нельзя упрекать Гарсиа. Применять сицилианскую защиту против Карпова — это очень смелое решение. (В. Корчной только один раз на это решился, но потерпел ужасное фиаско во второй партии матча.) Ходом в тексте кубинский мастер жертвует пешку, но его надежды на атаку не оправдались.

14. Кс3:b5	Фа5—а6
15. Кb5—с3	Ке5—с4
16. Фd2—d3	Ла8—b8
17. Се3—с1	Лb8—b4

Гарсиа



Карпов

18. h4—h5!	...

Инициатива черных иссякла, и начиная с этого момента слово за Карповым: вперед, полный вперед!

18. ...	Фа6—b7

Проигрывает сразу 18... К:h5 из-за 19. Кd5.

19. h5:g6	h7:g6
20. Сс1—h6	Сg7:h6
21. Лh1:h6	Крg8—g7
22. Лd1—h1	...

По этой магистрали Карпов без особенного труда добирается до короля черных.

22. ...	Фb7—b6
23. Кd4—е2	е7—е6
24. g2—g4	Крg7—f8

Попытка эвакуировать короля проваливается.

25. Лh6—h8+	Крf8—е7
26. Лh8:с8	Кс4—е5
27. Фd3—d1	Сd7:с8
28. g4—g5	Кf6—d7
29. а2—а3	...

Новая беда для Гарсиа: его ладья поймана.

29. ...	Лb4:b3
30. с2:b3	Ке5:f3
31. Ке2—f4	Фb6—f2
32. Кf4:g6+!	...

Энергичный, эффектный финал!

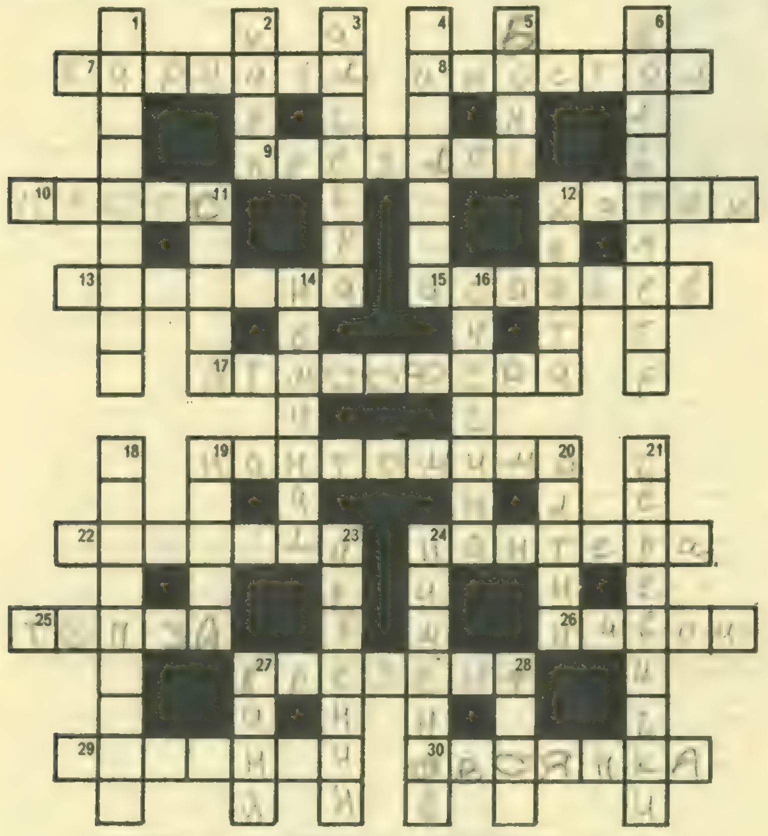
32. ...	f7:g6
33. Лh1—h7+	Кре7—d8
34. Фd1:d6	Фf2—d4
35. Фd6—е7+	

Черные сдались.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Центр Алтайского края. 8. Название первой печатной книги в России. 9. Часть речи. 10. Злак. 12.Машина для уплотнения грунта. 13. Персонаж повести Л. Н. Толстого «Казаки». 15. Советский музыковед и композитор. 17. Газообразная оболочка Земли. 19. Театральное представление без слов. 22. Сушеные абрикосы, персики. 24. Хищное животное. 25. Река в Англии. 26. Узбекский поэт и мыслитель. 27. Непромокаемая ткань. 29. Государство в Африке. 30. Птица отряда воробьиных.

По вертикали: 1. Огромная ископаемая ящерица. 2. Пресноводная рыба. 3. Отдел математики. 4. Малая планета. 5. Ударный инструмент. 6. Прибор для измерения электрического напряжения. 11. Лиственное дерево. 12. Женская одежда. 14. Нарицательная стоимость. 16. Героиня поэмы С. Есенина. 18. Город в Полтавской области. 19. Типографский шрифт. 20. Старинная русская монета. 21. Опера П. И. Чайковского. 23. Действующее лицо драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 24. Автор картины «Московский дворик». 27. Пьеса В. Маяковского. 28. Приток Дуная.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 5. Горький. 6. Реферат. 9. Архипова. 10. Институт. 11. Капабланка. 14. Ровно. 15. Кафтан. 17. Индия. 18. Рефрижератор. 21. Замша. 22. Канзас. 25. Скопа. 28. Курослепов. 29. Терапевт. 30. Интервал. 31. Пловдив. 32. Вензель.

По вертикали: 1. «Подросток». 2. Синодал. 3. Лексика. 4. Багульник. 7. Навага. 8. Гитара. 12. Антраша. 13. Антракт. 15. Курок. 16. Нюанс. 19. Растрелли. 20. Спектакль. 23. Акоста. 24. Афелий. 26. Рутений. 27. «Портрет».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Слесарь Куйбышевского металлургического завода имени В. И. Ленина Борис Чернов и инженер Виктор Любимцев отдыхают на Волге.

Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А. Леонов. «УТРО В КОСМОСЕ» * «ГОЛУБОЙ ПОЯС ЗЕМЛИ»

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 16/VI — 75 г. А 04218. Подп. к печ. 1/VII — 75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1497. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 713.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.



Сцена из спектакля «Сказание об Анне». Фото И. Галанюка

БЫТЬ ДОСТОЙНЫМ СВОЕГО КРАЯ

Тюменский театр, закончивший недавно свои гастроли в Москве,— один из старейших театров не только Сибири, но и страны: через три года ему исполнится 120 лет. С его спектаклями знакомы любители театрального искусства многих городов Российской Федерации, Украины. А вот в Москве театр побывал впервые, вызвав немалый интерес к своим работам со стороны строгих и взыскательных столичных зрителей. Интерес этот был не случаен.

Уже сам гастрольный репертуар Тюменского театра говорил о том, что коллектив серьезно подготовился к такой ответственной поездке: из восьми спектаклей только два — «Мамаша Кураж» Б. Брехта и «Варвары» М. Горького — дублировали московскую афишу.

Театр открыл зрителям два совершенно новых, до того неизвестных в драматургии имени — З. Тоболкина и К. Лагунова, своих, тюменских авторов. И гастроли начал пьесой Зота Тоболкина «Сказание об Анне» (режиссер Е. Плавинский), явившейся своеобразной визитной карточкой коллектива.

В творчестве этого автора явно ощущается стремление к широте, масштабности охвата народной жизни, эпическому повествованию, ему интересно исследование человеческого характера в моменты глубоко драматических поворотов на жизненном пути героев, когда судьба одного человека становится неотделимой от судьбы народной, ее наиболее ярким и типичным отражением.

Такова история простой русской женщины — крестьянки Анны Калининой, неутомимой труженицы, доброго, отзывчивого человека, нежной, любящей жены и матери, отдавшей Отчизне в Великую Отечественную войну мужа и трех сыновей.

Неспешно, стараясь попристальней вглядеться в жизнь Анны, ведет театр свое повествование о семье Калининых. Вот перед нами только что слаженный ловкими руками Демида (Б. Красиков) и его сыновей венец под баньку посреди просторного двора. И, словно ровесница сыновьям, готовая подхватить и их смех и их игру, сверкает лукавым блеском глаз красавица Анна (И. Аркадьева) — само олицетворение счастья и радости жизни.

Нет, он не потухнет — огонь ее глаз — даже тогда, когда одну за другой получит Анна похоронки на мужа и детей. Только теперь будут излучать ее глаза какой-то особый, затаенный, неяркий свет, на который потянется стар и млад, нуждающийся в защите и ласке. И, не раздумывая, щедро станет раздавать Анна богатства своей души людям в память о тех, кого не успела она одарить сполна.

З. Тоболкину особенно удаются женские характеры — крупные, цельные. Его героини чисты душой, бескомпромиссны, и уж коли ими владеет страсть, то она всепоглощающа и нераздельна. Такова и Клавдия из другой пьесы З. Тоболкина «Сибирская баллада».

Если оба спектакля по пьесам этого автора можно, пожалуй, назвать моноспектаклями, так значительны в них центральные женские образы, созданные И. Аркадьевой, берущие на себя всю идейную и сюжетную нагрузку пьесы, то «Одержимые» К. Лагунова — это спектакль, где герой — коллектив: геологи, разведчики сибирских недр, искатели нефти.

Чуть более десяти лет назад весь мир облетело слово «Сургут». В непроходимой тайге была найдена нефть, найдена теми, кто искал ее долгие годы, верил в ее существование вопреки многим авторитетным мнениям, считавшим поиск бесполезным. Но они были одержимы, люди, с каждым годом уходившие все дальше и дальше в тайгу, они не могли не победить, потому что знали, верили: нефть есть, нефть будет!..

Глеб Лавров (М. Новаков) молод, могуч, готов пожертвовать всем, даже жизнью, во имя идеи. Своей верой он увлекает и немолодого мастера Ветрова (Б. Медведев), и отчаянного парня Вальку Буянова (Г. Баширов), и чуть было не заблудившуюся на жизненных перекрестках Соню Лучкову (Н. Зубкова), и работягу Сенечку Крупенникова (В. Григорюк)... Глеб Лавров, начальник геологической партии,— самый яростный среди одержимых...

Интересными произведениями национальных авторов представлена в репертуаре Тюменского театра драматургия народов СССР. «Голубые олени» украинца А. Коломийца — прекрасный поэтический рассказ о любви необыкновенной и возвышенной, об умении ждать, казалось бы, рассудку вопреки; «Мгновение истины» литовца А. Лауринчюкаса — драма, события которой живо напоминают нам недавнюю трагедию Чили, хотя не названа страна, где развертывается действие, среди персонажей мы не встречаем исторических лиц.

...Закончены гастроли, отгремели последние аплодисменты, театр вернулся в родной город. Что же хотелось бы пожелать коллективу?

Большего разнообразия в поисках постановочных решений спектаклей, повышения общего уровня исполнительского мастерства, доброжелательной, но строгой требовательности ко всем без исключения пьесам, принимаемым к постановке. И тогда свой славный 120-летний сезон Тюменский театр встретит в подлинном расцвете сил, достойным богатейшего и прекрасного края, культуру которого он представляет на карте театральной России.

Н. БАЛАШОВА

ЛЕТО, ЛЕТО, ЛЕТО...

Ох, уж это лето! Только на порог, а уже невтерпеж... Мир зеленых просторов и ослепительной воды зовет настойчиво и гулко, отрывает от самых неотложных дел. Десятки тысяч рабочих и служащих мечтали об этих солнечных днях покоя или, напротив, беспокойного, активного отдыха. Перед отпускниками — увлекательные маршруты, пляжи и горные кручи. С каждым годом открываются все новые и новые дома отдыха, туристические базы, санатории. В индустрию отдыха вкладываются миллионы рублей. На это идет весомая доля государственного бюджета и профсоюзных отчислений.

Но отпуск бывает лишь раз в году, зато суббота и воскресенье — каждую неделю. Как мы их проводим? Об этом и рассказывают корреспонденты «Огонька», для которых минувшие выходные — двадцать восьмое и двадцать девятое июня — были днями рабочими...

ТАЛЛИН

БЕЛЫЕ ПАРУСА

Трудно представить море без Таллина, а Таллин без моряков. Не беда, что бригантины канули в вечность. Человек не расстается с парусом. Снова и снова он выходит в море, чтобы поспорить с ним, показать свою силу.

В паруса влюблены люди всех возрастов. Поэтому в яхт-клубе ДСО «Калев» можно встретить и девятилетнего школьника и человека, повидавшего жизнь.

Субботний день. Два паренька в ярко-желтых жилетах умело выводят «Кадета» на простор волн. А на причале подготавливают свои суда к плаванию другие юные яхтсмены. Среди них школьники Маргус Метс и Тоомас Отс. Если у ребят что не ладится, на помощь приходит тренер Юханн Эргмаа.

— На сегодня тренировка заканчивается,— слышится его голос.— Завтра в два часа сбор в кают-компании.

Тренер считает, что на высокой волне сразу видно, что ты за человек. Здесь слабому не место. А сильным может стать каждый. Есть у ребят мечта — создать при яхт-клубе «Калев» специализированную школу парусного спорта.

Взрослеют воспитанники клуба. Не все становятся чемпионами, но свои паруса они не забывают. При яхт-клубе «Калев» работают 23 секции. В них занимаются яхтсмены многих предприятий Таллина: Эстонского морского пароходства, кондитерской фабрики «Калев», заводов «Эстопласт», «Ильмарине», таллинского таксопарка...

— Эти предприятия имеют свои крейсерские яхты, — рассказал начальник яхт-клуба Пааво Каллас.— На них можно совершать морские путешествия по всему Балтийскому морю.

— Кстати, в нашем клубе есть самая большая в Прибалтике двухмачтовая крейсерская яхта «Ванемуйне». Ее экипаж состоит из двенадцати человек. Капитан — старший инженер Института кибернетики Академии наук Эстонской ССР Калев Кяарамеэс.

После рабочего дня и по выходным приходят яхтсмены на свои причалы. И наступает главный отдых — долгие часы общения с морем.

А. ХАРЧЕНКО

ТБИЛИСИ

ГОРА ОТДОХНОВЕНИЯ

Над городом — гора. На горе стоит мощная конструкция, хорошо видная отовсюду и напоминающая гигантского аиста. Нет, пожалуй, не аиста, а птицу фламинго, поскольку она, конструкция, белая с красными «подпалинами».

Конечно, это новая телевышка над Тбилиси. Это гора Мтацминда. К ее вершине ползут трамвайчики-параллелепипеды: старая канатная дорога, именуемая фуникулером. С другой стороны над крышами домов скользят по канату подвесные вагончики. И тоже из гущи города до самой макушки горы. Дорога-серпантин тащит к вершине поток автомашин. Есть и тощая, как змея, пробирающаяся в густой растительности пешеходная тропа. И всюду — в вагончиках, в машинах, на тропе — люди. В день по 15—20 тысяч горожан устремляются в стогектарный парк на вершине.

Жара, духота, в городе сизое марево. Быстрее на гору! Хорошо, что есть она у города, эта гора.

Она, конечно, не Казбек и не Эльбрус, которые прекрасны, но доступны единицам. Мтацминда — гора рядовая, но служит городу с миллионным населением. Город делает многое для того, чтобы восхождение не было проблемой (фуникулер — 5 минут, подвесная канатка — 3 минуты!) и чтобы пребывание стало отдыхом. Парк «Мтацминда» обслуживают 200 работников во главе с энергичным, любящим свое дело, объездившим много парков страны и мира директором Валерианом Хоперия.

Отдых — дело вкуса. Кому кафе или ресторан, кому планетарий, библиотека, киноэстрада, бильярд, кому тенистая скамейка с декоративными клумбами в стиле Мамулашвили. И очень многим (и детям и взрослым!) аттракционы. Здесь их около сорока. Некоторые, увы, «не крутятся, не вертятся» в ожидании винтов, тяг и прочих запчастей с ейского завода «Аттракцион». Но большинство все-таки крутится.

И знаете, какое наблюдение здесь, у аттракционов? Взрослые становятся как дети. А ведь это и есть отдых — на какое-то время сбросить долой 20—40 лет!..

В курзале «Мтацминды» колоссальная, во всю стену роспись на тему старого Тбилиси — шедевр художника Коки Игнатова. И тут же, за окном, внизу, Тбилиси как он есть, город сегодняшний, на который хочется долго смотреть, выискивая знакомые улочки, дома, скверы, проспекты. И легко думается и легко дышится здесь, на горе отдохновения...

Ия МЕСХИ

КИЕВ

ПО ДНЕПРУ...

Нас было более трехсот, киевлян и гостей нашего города. На пароходе отдыха «В. Шишков» мы направились на экскурсию в Канев. Вечером в торжественной суматохе (ведь пароходы провожают совсем не так, как поезда) мы отошли от стенки Киевского речного вокзала и в пять часов утра прибыли в Канев. Из-за широкой, как море, реки вставало солнце, и кое-кто из туристов, не ожидая приглашения гидов, начал свое знакомство с Каневом, одним из старейших городов нашей страны.

...После завтрака и утреннего купания в Днепре совсем не трудно преодолеть триста двадцать ступеней деревянной лестницы, что ведет на Тарасовскую гору. Там могила великого кобзаря, там на высоком пьедестале стоит Тарас Шевченко, пристально всматриваясь в широкие поля, в приднепровские сады...

Экскурсия длилась не более суток, а сколько успели повидать, услышать, сколько новых друзей обрели здесь и киевляне, и москвичи, и школьники из Черниговской области. Каждому интересно побывать в шевченковских местах, послушать 85-летнего Никона Ивановича Прудкова, одного из немногих поныне здравствующих кобзарей. На обратном пути туристы любовались сказочно живописными берегами Днепра, высокими кручами. Побывали в местах боев за Днепр в 1943 году.

Я беседовал с руководителем одной из групп экскурсантов, председателем постройкома Василием Кузьмичом Корчагиным.

— Для нашего коллектива,— сказал он,— такие поездки в выходные дни не редкость. Часть всех расходов оплачивает профсоюз. Наши рабочие побывали в выходные дни и в Волгограде и в Ленинграде. В Хатынь и Одессу ездили автобусом. Многие отправляются всей семьей.

Позже я беседовал с председателем Украинского управления по туризму и экскурсиям Сергеем Николаевичем Хвостенко.

— Мы арендуем на всю навигацию тридцать пароходов,— рассказывал он.— Один ходит по Енисею, два — по Волге, остальные — по Днепру. Это не считая таких судов, как «В. Шишков», которые мы арендуем лишь на субботние и воскресные экскурсии. Кроме того, 381 туристический поезд для дальних экскурсий: от Прибалтики до Сибири.

Миллионы рублей, которые получает наша организация, используются для строительства туристических баз, кемпингов.

С. КАЛИНИЧЕВ

КУЙБЫШЕВ

ДАВАЙТЕ СЧИТАТЬ

— Давайте считать,— сказал Федор Иванович Чернов.— Пятница, суббота, воскресенье плюс тридцать градусов в тени, плюс двадцать два градуса в Волге — итого тысяча девятьсот отдыхающих. Понятная арифметика? Если непонятно, поясню: известно, сколько народа вмещают одновременно все заводские базы отдыха, впереди выходные, погода отличная, значит, все наши базы будут заполнены. Что и говорить, горячие будут денечки...

Федор Иванович — опытный речник, капитан, известный, наверное, по всей Волге, сейчас возглавляет целую флотилию, как здесь говорят, плавсредств Куйбышевского металлургического завода имени В. И. Ленина. Огромный дебаркадер, плавучие причалы, пассажирские катера типа «Москвич», переоборудованная самоходка, лодки — все это, даже по волжским масштабам, солидное хозяйство.

В пятницу, к концу рабочей смены, на площади у металлургического завода выстраиваются автобусы. Точно по графику они уезжают, чтобы вернуться потом за новой сменой. На пристани — тоже на своей, заводской пристани — тоже точно по графику отваливают заводские «плавединицы», и вверх по Волге плывут многочисленные группы заводских отдыхающих. Все идет четко, продуманно, без «сбоев» — это работает специально созданный на заводе цех отдыха.

Вот одна из турбаз — «Жигулевские ворота». Широченный волжский плес, одно из красивейших мест, которое отмечено даже на всесоюзных туристских маршрутах... Причал, плавучая столовая, целый городок разноцветных деревянных домиков. Заходим в один их них — под номером 114. Небольшое помещение на одну семью, простая мебель, электричество, из окна — вид на Волгу. Сейчас здесь обосновалась семья мастера мартеновского цеха Виктора Пипича:

— Первый раз мы приехали сюда, когда на берегу стояло несколько палаток. Сколько тогда было нашему Андрюшке — полтора года? А теперь ему семь лет. И почти все выходные, все отпуска проводим только здесь... Кругом леса с ягодами, грибами; никаких забот о питании: в столовой прекрасно готовят — и всего по полтора рубля с человека в день...

Слово директору завода Павлу Петровичу Мочалову:

— Мы старались организовать отдых не только в общие выходные дни, но и так, чтобы рабочие могли поехать на природу прямо после смены, из цеха. Турбазы принимают на день, на два, на весь отпуск. Кстати, заводу выделяется довольно много путевок в Крым, на Кавказ, но спрос на них в последние годы у нас значительно снизился...

Б. СМИРНОВ

ВЛАДИВОСТОК

В МИРЕ ГЛУБИН

Последний день июня — и вдруг впервые за месяц на Владивосток глянуло солнце. С раннего утра за город поспешили переполненные электрички. Тем же маршрутом побежали «Жигули», «Москвичи», «Запорожцы», заполненные авоськами, гитарами, рюкзаками. Я упросил рабочих Дальзавода, которые спешили провести воскресный день в подводном мире, взять и меня.

Катер вышел в Амурский залив. За штурвалом — инженер Геннадий Иванович Святкин. Он же начальник клуба подводного плавания. Женя Бахчев, электрик телефонной станции, отыскивает на карте остров Клыкова: он-то нас и интересует. Не сам остров, а его подводный мир. Ребята готовят легкое водолазное снаряжение, удочки. И как только нос катера уткнулся в песчаный берег, слесарь Володя Рябухин, инженер Геннадий Шарин начали облачаться в оранжево-черные костюмы. По очереди все члены клуба опускаются за борт. Почему по очереди? Потому что костюмов мало. Но ребята надеются, что руководство Дальзавода решит этот вопрос еще до зимы...

А подводный мир так прекрасен! Он всегда новый. Гуляешь по дну и наблюдаешь жизнь, обычно скрытую от человека толщей вод. Прекрасное дело — подводный туризм.

В понедельник Геннадий Иванович снова поднимется на борт дизель-электрохода «Пинжина», разойдутся по цехам и мастерским друзья и будут ждать нового выходного — встречи с подводным царством.

В. КУЗНЕЦОВ



ТАЛЛИН.
«Пинта» уходит в море...
Фото В. Сальмре.

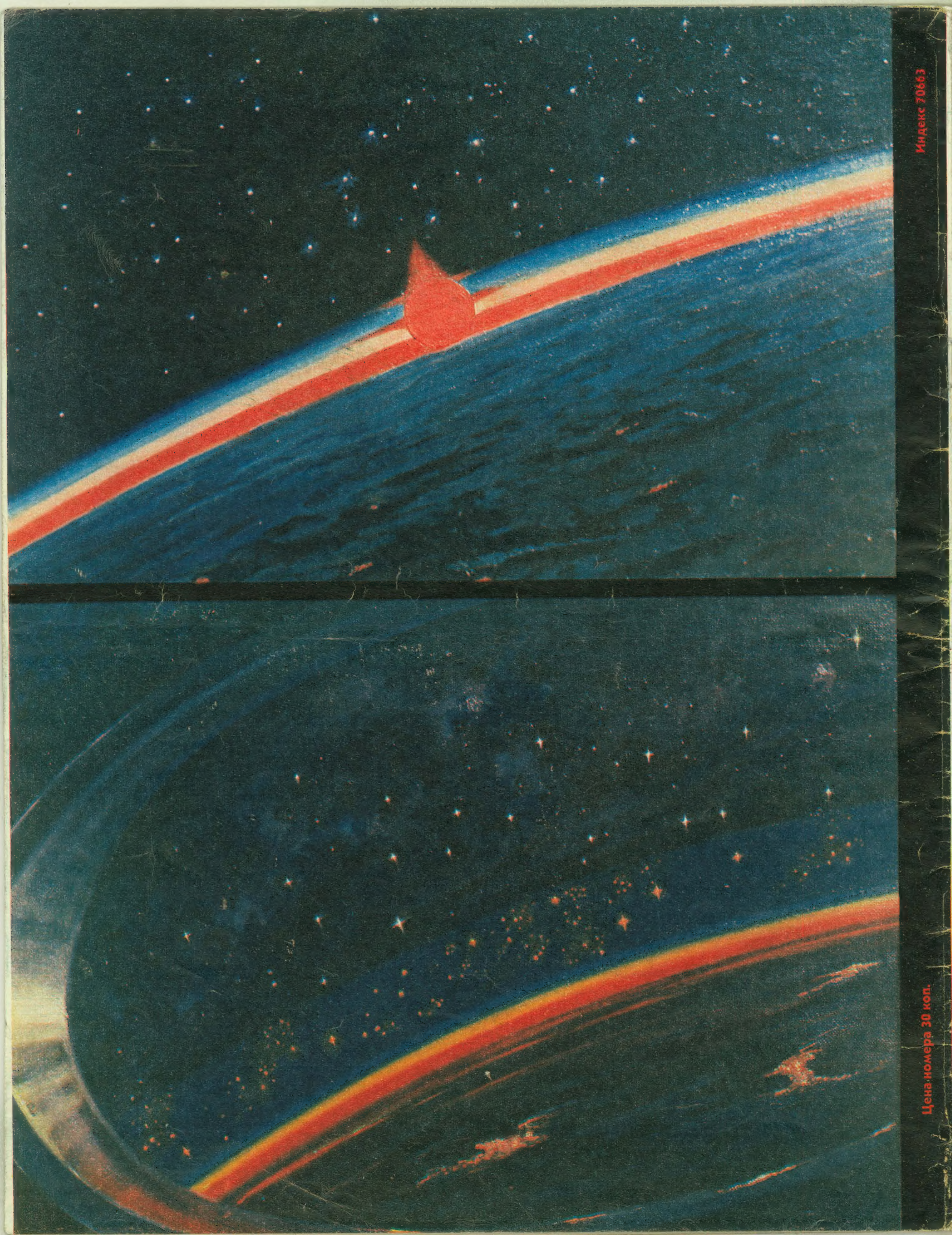
ТБИЛИСИ.
Веселые автогонки.
Фото И. Тункеля.



МОСКВА.
Истринское водохранилище москвичи считают своим курортом: стремительная моторизация населения сократила расстояния и сделала все Подмосковье близким и доступным.
Фото Ю. Кривоносова.

Обычный выходной... Лучший отдых, конечно, на реке, особенно если это такие славные места, как Днепр у Канева или Волга возле Тольятти.

Фото Н. Козловского и А. Награльяна


Индекс 70663
Цена номера 30 коп.